

ISSN 2412-4028

1
2018

Филология и Лингвистика

международный научный журнал

16+

ISSN 2412-4028

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 1 (7) / 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Члены редакционной коллегии:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук*

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 10.02.2018. Цена свободная.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, *доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)*

Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Кыят Эмине Лейла, *доктор экономических наук (Турция)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Федорова Мария Сергеевна, *кандидат архитектуры (Россия)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Суровцева Е.В.
Б.Пильняк и его эпистолярные обращения во власть 1

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

- Садокова А.Р.
Фитоним суги и японский повествовательный фольклор 5

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Курцева Д.О.
Концепт Love в художественной литературе (на материале произведений У.С. Моэма) 8

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Асадов З.В.
Чужие на Руси: отношение к нетюркским племенам и народам (по следам древнерусских летописей) 11

- Ахмади Мирейла, Мохаммади Мохаммад Реза, Назари Феззе
Управление однокоренных имён существительных в русском языке и их эквиваленты в персидском языке 15

- Го Юйхуа
Анализ концепта «судьба» в русском народном сознании 19

- Лядащева Е.Д.
Основные лингвистические проблемы теории заимствования в немецком языке 23

- Некоз А.В., Панин В.В.
Обращение в речевых ситуациях (на материале английского и русского языков) 25

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

- Варавва В.В.
Трансформация контента газет «Владивосток» (1883–1919 гг.) 29

- Фрончек М.К.
Спортивная лексика и язык спорта как часть интернет-пространства 31

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

- Паршина Т.В.
К вопросу о переводе элементов металлического корпуса надводных кораблей и судов, судовых устройств с русского языка на английский 36

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Б.Пильняк и его эпистолярные обращения во власть

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук,
профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Борис Андреевич Пильняк (настоящая фамилия Вогау; 29.09/11.10.1894, Можайск — 24.04.1938, Москва) родился в семье ветеринара (биографические данные приводятся по [1]). Родители были близки к народникам. Детство Пильняка прошло в провинциальных городах России. Писать Пильняк начал рано — в 9 лет. Первое опубликованное произведение относится к марту 1909 г., однако началом своей литературной деятельности писатель считал 1915 г., когда в журналах и альманахах уже под псевдонимом Б. Пильняк появились рассказы. Пильняк принадлежал к «попутчикам», но его причисляли и к авангардистам-реформаторам. В 1922 г. Пильняк одним из первых советских писателей посетил Германию, куда привез рукописи советских авторов для тамошних русских издательств. В 1923 г. писатель побывал в Англии, встречался с писателями и деятелями культуры. Во время этой поездки он писал роман «Машины и волки». Теперь он примыкает к большевикам.

9 мая 1924 г. Пильняком было составлено письмо в ЦК РКП(б) [6, с. 277–278]. «Письмо группы писателей предполагалось для оглашения на совещании (на литературном совещании Отдела Печати ЦК РКП — Е. С.) 9 мая 1924 г. и было составлено Б. Пильняком. »Утверждая, что пути современной русской литературы — а стало быть и наши — идут и связаны с путями Новой России, строящейся в заветах Октября 1917 года, — мы думаем, что различные литературные группировки и те разногласия, кои есть в критике, существуют не в плане отдаления и приближения к заветам Октября, а в плане понимания литературы и ее задач. Мы, нижеподписавшиеся, думаем, что литература должна быть, с одной стороны, отражателем той действительности, коя окружает нас, а с другой — на этой почве — созданием индивидуального писательского лица, каждый раз по-своему воспринимающему мир и по-своему его отражающему...».

«Повесть непогашенной луны» (1926) была достаточно крамольной: Сталин и Фрунзе — прототипы героев повести — не названы, но были сразу узнаны современниками. Тираж журнала «Новый мир», куда была принята вещь, был арестован и изъят из продажи. Новый

пятый номер журнала вышел уже с другим произведением, а Пильняку было запрещено публиковаться в центральных изданиях. 13 мая 1926 г. состоялось заседание Политбюро, было принято постановление. К 21 ноября 1926 г. относится записка Пильняка на имя Скворцова-Степанова [6, с. 304–307], а к 25 ноября 1926 г. — записка в редакцию «Нового мира» [6, с. 310]. Второе письмо было опубликовано в «Новом мире» в 1927 г. (№ 1) и было одним из условий «прощения» писателя. Существует несколько вариантов этого письма, что указывает на сложности решения этого вопроса (см. [5]). Кроме того, существует письмо Пильняка А. И. Рыкову (приводится в: [5, с. 67–69]), написанное раньше, чем письмо Скворцову-Степанову и последний вариант письма в «Новый мир», — 10 октября 1926 г. Тему своего произведения Пильняк формулирует так: «В январе этого года я задумал написать рассказ о том, как машина человеческого коллектива подчиняет себе человеческие индивидуальности, и о том, как благие пожелания в нашей российской действительности очень часто превращаются в катастрофические непоправимости». Писатель считает, что публикация «Повести...» — «суть бестактности», при том, что он был удивлён, узнав, что его обвиняют в клевете на партию и оскорблении памяти Фрунзе. Несмотря на скандал, вызванный «Повестью ...», Пильняк продолжал работать и публиковаться. Представляя русскую советскую литературу, писатель побывал во многих странах — в Греции, Турции, Японии, Америке и других.

В 1929 г. в берлинском издательстве «Петрополис» появились повести «Штосс в жизнь» и «Красное дерево». 1929 г. — начало травли Пильняка и других писателей-попутчиков. Кампания, открытая «Литературной газетой», была первой организованной политической акцией, направленной против писателей. Пильняк направил в редакцию «Литературной газеты» письмо [6, с. 333–337], опубликованное газетой 2 сентября того же года. В письме Пильняк указывает на то, что «Красное дерево» было опубликовано «Петрополисом» без его ведома и согласия, что там публиковались и другие советские (!) писатели, что «Красное дерево» не было опубликовано в России не потому, что было отвергнуто цензурой

(как это утверждает автор разгромной статьи Б. Волин), а потому, что Пильняк решил переработать рукопись, а также приводит своё письмо, опубликованное за границей (сведений о публикации у нас нет) — в нём говорится, что именно в СССР делается новая история, хотя и тут есть «отрепье прошлого». В тот же день Пильняк подал заявление о выходе из Союза писателей. 15 сентября состоялось собрание Всероссийского Союза Писателей. Организацию решено было переименовать, а Пильняка сместить с председательского поста.

На рубеже 1930 и 1931 г. Пильняк пишет письмо Сталину. [3, с. 139–141; 6, с. 345–348] (в [3] текст датирован 4 января 1931 г., в [6] — второй половиной декабря 1930 г.). Писатель сразу же говорит, что он просит помощи. Он говорит о своей преданности революции. Писатель уверяет вождя в том, что навсегда связывает свою работу с революцией, признаёт свои многочисленные ошибки, за что автор и понёс наказание и после чего активно взялся исправлять ошибки — в том числе публикацией романа «Волга впадает в Каспийское море», переведённого наряд иностранных языков. Вместе с письмом Пильняк посылает Сталину немецкий перевод романа «Волга впадает в Каспийское море», вырезку из газеты — статью, посвященную делу Промпартии, цикл очерков «Таджикистан — седьмая советская». Всё это Пильняк считает исправлением своих писательских ошибок. Существом же своего письма Пильняк называет просьбу о заграничной поездке — история с «Красным деревом» комментировалась не только в советской, но и зарубежной прессе, которая попыталась изобразить Пильняка «мучеником». Но Пильняку «казалось, что это мученичество можно было бы использовать и политически, что был бы неплохой эффект, если бы этот »замученный« писатель в здравом теле и уме, неплохо одетый и грамотный не меньше писателей европейских, появился б на литературных улицах Европы и САСШ и заявил ... о том, что он гордится историей последних лет своей страны и убежден, что законы этой истории и есть уже перестраивающими мир, — это было бы политически значимо». Пильняк смотрит на свою поездку за границу как на окончательное исправление своих ошибок. Ещё одной «полупричиной» для выезда за границу Пильняк называет необходимость навести порядок в выплате ему гонораров за переводы его произведений на иностранные языки. Есть и ещё одна существенная причина для поездки — Пильняк задумал новый роман, действие которого происходит в СССР, САСШ, Европе и Азии. Азию и Европу писатель представляет, о САСШ «знаний не хватает». Когда Пильняк попросил о выезде, ему отказали. В конце письма Пильняк просит о доверии. Видимо, что речь идет о романе «Соляной амбар» [6, с. 348].

В ответном письме Сталин [3, с. 139–141 и 209] написал, что «выезд за границу можно считать... обеспеченным». По дороге в Америку Пильняк заехал в Польшу, Германию, Францию. Путешествие по США нашла своё отражение в книге «О'кей».

К 23 января 1932 г. относится черновик письма Пильняка Л. М. Кагановичу [6, с. 350–354]. Писатель говорит о своей поездке по Европе и Америке, описывает свои вы-

ступления, указывает на то, что его поездка была замечена иностранной прессой. Теперь же Пильняк заканчивает роман об Америке. Однако обстоятельства складываются так, что писатель не может не только печататься, но и «вообще быть в рядах советской литературы». Он описывает историю создания очерков о Таджикистане. За время заграничной поездки о Пильняке появилось несколько статей и заметок — и все ругательные. Пильняку не дают выступать с докладами о поездке, расторгли договор на издание книг. Пильняк пишет: «Я не пишу сейчас ничего Иосифу Виссарионовичу, потому что мне хотелось бы, вместо жалоб, послать ему мою книгу об Америке, которую я написал, потому что Иосиф Виссарионович дал мне возможность поехать за границу...». Однако буквально через несколько дней письмо Сталину было написано — 28 января 1932 г. [2, с. 229–231]. Отметим, что письмо Сталину во многом повторяет письмо Кагановичу. Существенно отличается (если не считать частных формулировок и передвинутых фраз) только преамбула письма и дописано заключение. В преамбуле Пильняк, в частности, пишет: «Я должен был бы написать Вам сейчас же после возвращения из Америки, чтобы благодарить Вас за данную мне возможность быть за границей. Я хотел это сделать, приложить к письму ту книгу, которую я сейчас заканчиваю, об Америке. <...> Ваше письмо, Иосиф Виссарионович, которое Вы мне прислали в связи с поездкой, накладывало на меня обязательства, которые я нёс с гордостью». Пильняк пишет: «Я уверен, что НКВД подтвердит, что моя поездка, равно как и мои выступления, были полезны для СССР» (в черновике письма Кагановичу эта фраза звучит несколько иначе: «Я уверен, что Наркоминдел и ГПУ подтвердят...» — и далее по тексту). В заключении письма содержится просьба о помощи. В следующем, 1933 г., роман «О'кей» выйдет в трёх издательствах.

27 октября 1932 г. написано письмо Пильняка Л. М. Карахану [6, с. 356–357], заместителю наркома иностранных дел. Оно посвящено денежным вопросам, связанным с Фумико Йонэкава, японским музыкантом с мировым именем. Она пробыла в СССР с июля по октябрь 1932 г. и всё это время жила у Пильняка. Пильняк просит возместить ему расходы на Фумико — за бытовые нужды, пищу, передвижение, а также за билет от Владивостока до Москвы. Кроме того, ей надо достать обратный билет из Москвы во Владивосток и обеспечить её питанием в пути. В конце письма Пильняк спрашивает — нужно ли музыканту наносить Карахану прощальный визит.

Ещё одно письмо Пильняка Сталину относится к 6 июля 1933 г. — нам известны два варианта этого текста [2, с. 297–299; 6, с. 362–363] (в [6] стоит дата 5 июля). После поездки в Японию в 1932 г. Пильняк написал книгу, текст которой посылает вождю с этим письмом. И книгу, и поездку писатель считает «не только советским, но и партийным делом». Именно поэтому она была отдана в печать только после одобрения Карахана. Первая часть книги опубликована в «Новом мире» (№ 4 за 1933 г.), вторую же часть в № 5 журнала в последний момент отклонили со ссылкой на запрет Главлита, в то

время как Главлит в ответ на запрос Пильняка заявил, что книгу он не запрещает. Пильняк предположил, что книга запрещена из-за использования в ней цитат из предыдущей книги о Японии 1926 г. — но это цитирование необходимо для того, чтобы опровергнуть собственные ошибки (в первом варианте письма абзаца об этом нет). До Пильняка дошли слухи, что запрет является следствием обиды некоторых писателей за абзацы о советской литературе. Таким образом, для Пильняка «закрываются двери» Нового мира» — последнего журнала, где ... <он> печатался». Если книга действительно запрещена вскоре после получения разрешения — то Пильняк хотел бы узнать причины (этот абзац и предыдущий, откуда нами взята последняя цитата, в первом варианте письма отсутствует). Пильняк просит вождя помочь допечатать работу и выражает желание встретиться с ним для обсуждения литературного дела.

Последнее письмо Пильняка Сталину от 20 февраля 1934 г. [2, с. 305] является своего рода отзвуком поездки писателя в Америку в 1931 г. Этот текст представляет собой сопроводительное письмо к пересылаемым вождю документам — статье М. Истмена, американского журналиста и редактора, о Пильняке («The humiliation of Boris Pilnyak» — «The Modern Monthly», February 1934), письмо Д. Фримена, члена редколлегии журнала «Вестник иностранной литературы» (выходил в Москве в 1928–1939 гг.) и ответ Истмену и Фримену (собственно, этот ответ адресован Фримену и содержит опровержение статьи Истмена [2, с. 306–309]). Писатель счёл нужным послать все эти материалы Сталину потому, что и в статье Истмена, и в письме Пильняка Фримену речь идёт о нём самом, вожде. В истменовской статье речь идёт о том, что Пильняк — «проданный» и «покупаемый», один из самых богатых людей в СССР, поехал в Америку на американский аванс, а вернувшись — написал обвинительный акт капитализму (роман «О'кей»), постоянно кается. «Всплывает» в статье и «погром» «Красного дерева», и РАПП — по Истмену, «орудие Сталина в области прессы». Пильняк высмеивает денежные подсчёты Истмена, указывает, что РАПП был распущен самим же Сталиным, и что его превращение из попутчиков в коммунисты (пусть и без партбилета) никак нельзя назвать покаянием, ведь ещё 11 лет назад он говорил, что коммунизм в России предопределён самой историей. Пильняк уличает Истмена во лжи (так, тот приводит несуществующий разговор Пильняка с Гронским о визе). Писатель сравнивает Истмена с человеком, смотрящим на мир из-под стола, и называет факты, которые «упрямее басенных ослов»: «... единственная советская страна — СССР, вождь СССР — Иосиф Виссарионович Сталин».

Письмо Пильняка в ЦК ВКП(б), написанное в мае 1934 г. [3, с. 139–141 и 209], имеет совершенно иную тональность. Оно достаточно сухо и официально. В этом письме Пильняк просит отпустить его и жену за границу. Цель поездки — в Латвии, Эстонии и Финляндии писатель хочет сделать «доклады в связи с продлением пактов о ненападении»; в Швеции и Норвегии писатель никогда не был и «хотел бы написать о них для советского читателя».

Жена Пильняка Кира Георгиевна Андроникашвили в то время была студенткой Государственного института кинематографии, и писатель хочет взять ее с собой, «чтобы будущий советский режиссер за границу знал». Сталин поставил на письмо свою резолюцию: «Можно удовлетворить» [3, с. 209], а 17 мая 1934 г. Политбюро приняло соответствующее постановление [3, с. 759].

К 28 февраля 1936 г. относится письмо Пильняка в Секретариат ССП [6, с. 374–375]. Оно посвящено писательским дачам в Переделкино, при строительстве которых произошёл перерасход в 700 000 рублей, из-за чего строительство не может быть закончено. Пильняк от имени писателей, внесённых в списки на получение дач, просит Секретариат поддержать перед Литфондом их просьбу об отпуске им необходимой суммы денег для скорейшего строительства дач со сроком ежегодной обрательной выплаты в 15 лет.

К 25 мая 1936 г. относится письмо Пильняка А. И. Микояну [4, с. 15–16], наркому внутренней и внешней торговли, снабжения, пищевой промышленности. Письмо это — ответ на вопрос, заданный Микояном Пильняку, почему тот держится особняком в советской литературе. Писатель говорит: «Не я держусь особняком, но так меня держат некоторые советские критики». Пильняк прилагает газетную вырезку из «Литературной газеты», вырезку, которая имеет отношение не только к самому Пильняку, но и к Микояну. Критик А. Эрлих не слишком лестно отзываясь о романе «Мясо», написанном Пильняком в соавторстве с С. Беляевым. А так как книга написана по инициативе Наркомпищепрома, то (по мысли Пильняка) в статье содержится отрицательная характеристика последнего. Кроме того, писатель подчеркивает, что в первую очередь хочет обратить внимание адресата именно на этот факт, а не на выпад в свой адрес. Таким образом, Пильняк начал с разговора о себе, а закончил деятельностью государственного органа.

Летом 1936 г. Пильняк направил письмо в Мособлесполком, Филатову [6, с. 379]. Это письмо — тоже о писательских дачах. Пильняк просит прислать на место строительства дач специалистов, которые привели бы лес, окружающий строительство, в «жилой порядок». 28 июля 1936 г. датировано письмо Пильняка Н. А. Булганину [6, с. 379–380], в то время бывшему председателем Моссовета, с просьбой помочь ему совершить квартирный обмен. К 8 мая 1937 г. относится ещё одно послание Пильняка в Секретариат ССП [6, с. 387–388]. В письме содержится просьба поддержать перед Литфондом его ходатайство о выдаче ему в виде ссуды с возвращением осенью 6 000 рублей. Роман «Соляной амбар» оплачивается Госиздатом до апреля; роман перед продажей журналу надо переписать набело и выверит качество, на что уйдёт май и первая половина июня. Следовательно, Пильняку нужны деньги, чтобы жить на них два месяца (май и июнь).

В октябре 1937 г. Пильняк был арестован, 21 апреля 1938 г. осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР по ложному обвинению в совершении государственных преступлений и приговорен к расстрелу. Приговор в тот же день был приведен в исполнение.

Литература:

1. Андроникашвили-Пильняк Б. Б. Пильняк (Вoгay) Борис Андреевич // Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М.:, 2000. С. 553–555.
2. Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005.
3. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002.
4. «Литературный фронт»: История политической цензуры. 1932–1946 г.г. Сб. документов. М., 1994.
5. Павлова Т. Ф. «Пильняк жульничает и обманывает нас...» (К истории публикации «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка) // Исключить всякие упоминания... Очерки истории советской цензуры. Составитель Т. М. Горячева. Минск; Москва, 1995. С. 65–77.
6. Пильняк Б. Мне выпала горькая слава... Письма. 1915–1937. М., 2002.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Фитоним суги и японский повествовательный фольклор

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Большое количество фитонимов (личных имен растений) можно считать одной из интересных черт японской народной культуры, для которой с давних пор был характерен культ растительности, особое почитание деревьев, цветов и трав. В ней японской традиции издавна почитались сосна и бамбук, глициния и хризантема, тростник и дерево персика, а японскую классическую литературу невозможно представить себе без поэтических образов сливы или осенних бледно-розовых цветов *хаги*. То же можно сказать и о народной культуре японцев. Однако даже в этом, уже признанном ряду растений-символов, совершенно особое место отводилась дереву криптомерии, которая по-японски называется *суги*.

Особое предназначение этих деревьев японцы чувствовали с давних пор, поэтому относились к ним с особым почтением. Дело в том, что это дерево издавна считалось местом обитания синтоистских богов, с ним была связана сложная народная мифолого-религиозная символика и целый цикл устных народных повествований.

Говоря о природно-хозяйственных особенностях криптомерии-*суги* (*Cryptomeria japonica*), следует напомнить, что это вечнозеленое хвойное дерево семейства таксодиевых. Современные немногочисленные таксодиевые можно без преувеличения назвать «живыми ископаемыми», так как они представляют собой остатки некогда процветающего семейства, возникшего более 140 млн лет назад. Это крупные, часто исполинские деревья, по ряду параметров близкие к кипарисовым. Именно поэтому эти два семейства в науке последних десятилетий нередко отождествляют.

Криптомерия — типичный представитель своего древнего семейства. Она, как правило, огромного размера: диаметр ствола достигает в среднем пяти метров, а высота дерева бывает пятьдесят метров и выше. Кора имеет красновато-коричневый оттенок, отчего рощи криптомерий не производят впечатления темных, а даже, наоборот, в солнечных отблесках кажутся золотисто-красными. Криптомерии имеют специфический облик. Поскольку листья, а точнее довольно мягкие иголки, у них небольшие, спирально расположенные, а ветви не дают большого размаха, дерево зрительно имеет конусообразную форму, красоту и пропорцио-

нальность которой, правда, можно оценить лишь с большого расстояния из-за высоты самого растения. При благоприятных условиях — это дерево-долгожитель. Среди них немало таких, которые имеют историю в несколько столетий и даже в тысячу лет.

В Японии, которая наряду с Китаем, считается родиной криптомерий и где в горах до сих пор эти исполинские деревья образуют чистые насаждения, криптомерии-*суги* произрастают на большой территории — от преф. Аомори на севере о. Хонсю до южного острова Кюсю. Многочисленные леса на о. Хонсю (преф. Акита и Коти, п-ов Идзу, леса Кумано) обладают высококачественной древесиной, которая используется, прежде всего, в строительстве. Так, из криптомерии всегда было принято строить столб-*хасира*, основную деталь в каркасно-столбовой конструкции японского традиционного дома. Поскольку древесина криптомерии мягкая, легко поддается обработке и нередко имеет красивый рисунок, она применялась для изготовления домашней утвари, изделий декоративно-прикладного искусства. Благодаря особой прочности этого дерева его широко использовали в судостроении, в изготовлении небольших лодок, что оказало огромное влияние на формирование культа криптомерии как священного дерева. Кроме того, прочная кора шла на покрытие крыш, а иголки и шишки широко применялись в народной медицине как обладающие сильным антибактериальным свойством.

Криптомерия также всегда играла в жизни японцев важную обрядовую роль. Благодаря своей высоте она считалась связующим звеном между землей и небом. Отсюда произошел существующий и поныне в ряде районов Японии обычай сажать молодое дерево криптомерии через 33 года после смерти человека. Такое дерево получило название *суги-сотоба* («Криптомерия — старикова башня») и воспринималось как указание пути для окончательного ухода души умершего на Небеса.

Во многих районах страны существовал целый ряд магических запретов, связанных с криптомерией. Поскольку дерево считалось священным, его нельзя было сажать около дома, иначе в семье никогда не будет достатка. В преф. Акита запрещалось также делать из криптомерии заборы и изгороди, в противном случае счастья лишатся три поколения потомков нынешних хозяев этого дома. Известны и другие многочисленные

приметы и запреты. Так, особая осторожность требовалась в случае необходимости срубить криптомерию. Как известно, эти деревья растут в горах, а горы издавна считались местом обитания Бога горы, его вотчиной, поэтому, прежде всего, требовалось заручиться согласием Бога горы, а затем обязательно провести магические действия «во искупление своей вины». В преф. Коти, например, в таких случаях после молитвы-обращения к Богу горы, обязательно приживляли на место срубленного дерева молодой побег, дабы продолжить жизнь этого священного дерева. Широко было распространено и представление о том, что в случае неблагоприятности Бога горы все, кто будут участвовать в рубке дерева, заболели или умрут, поэтому с молитвой к Богу горы обращались все жители деревни. А вот в преф. Фукусима в таких случаях около дерева собиралась вся деревня, прося бога отвести от них беду.

Много поверий, связанных с криптомерией, бытовало в преф. Тояма. Там, например, строго запрещалось делать из криптомерии обувь-*гэта* для работы в саду, а также гробы. Нельзя было также от нечего делать бегать и прыгать вокруг криптомерии (этот запрет касался в основном детей), так как была опасность ненароком обойти ее три раза, что привело бы к появлению лисицы-оборотня, которая начала бы морочить деревню, и потребовались бы многочисленные магические действия, чтобы избавиться от нее. А вот в преф. Акита верили, что старые криптомерии когда-нибудь обязательно превращаются в Белого дракона, который, как известно, считается в Японии подателем влаги и управляет дождями, и что, когда это произойдет, деревня получит сильного и щедрого покровителя.

По поверьям, бытующим во многих префектурах Японии, особой силой обладала и дождевая вода, скопившаяся у корней старого дерева криптомерии. Ей приписывались целебные свойства, а также считалось, что, если дерево особо знаменито, то вода непременно превратится в рисовую водку — *сакэ*. Вероятно, именно поэтому и сегодня во многих питейных заведениях Японии (особенно в провинции) хозяева на почетном месте вывешивают ветви криптомерии как символа процветания.

Вообще слова «криптомерия» и «символ» в японской традиции неразделимы. С давних пор японцы полагали, что криптомерия, будучи священным деревом, способна подавать людям знаки, своего рода магические весточки. Так, в древней Японии то место, где произрастала криптомерия хотя бы в три обхвата, было знаковым для строительства нового храма, поскольку обладало особой благоприятной энергетикой. С опорой на эти знания в древней столице Японии в г. Нара в VIII веке было построено немало храмов. А в Киото на территории самого известного и сегодня храма бога риса Инари — Фукусими Инари тайся — до сих пор стоит старая криптомерия, известная как *Сируси-но суги*, т.е. «Криптомерия-знак».

Здесь следует заметить, что и Японии издавна существовала традиция давать особо почитаемым и старым деревьям собственные имена, поэтому появление дерева с именем Сируси-но суги не исключение; имя лишь

подчеркивает важность этого дерева для японцев. При этом наибольшее число деревьев с собственными именами — среди криптомерий. Так в преф. Коти находится самая старая на сегодняшний день криптомерия Японии (диаметр — 15 м, высота — 68 м, возраст более тысячи лет), которую называют Суги-но оосуги («Величайшая из криптомерий»). Первенство перешло к этому дереву после того, как погибла самая старая криптомерия на полуострове Идзу. Она имела 20 метров в диаметре и возраст более 3 тыс. лет. И имя она носила соответствующее — Дзиндайсуги, т.е. «Криптомерия времен богов». Второй по возрасту и размеру считается сегодня криптомерия из преф. Эхимэ с именем Ито сиро-но суги — «Белая криптомерия, пронизывающая камни». При этом знамениты не только одиночные деревья. Любого, кто придет в преф. Тотиги в известный историко-культурный заповедник Никко, поразит «Аллея криптомерий в Никко» («Никко суги намики») протяженностью 27 км, где вдоль дорог растет более 17 тыс. исполинских деревьев.

Однако иметь собственное имя могли в Японии не только самые крупные или старые деревья. Получение имени зачастую было связано с особым чудом, случившимся в этих местах в давние времена. При этом само появление этих деревьев в конкретной местности нередко также было связано с чудом, сотворенным праведным монахом. Так, к примеру, в преф. Эхимэ широкое распространение получила история о том, как однажды в деревню Ииокамура к буддийскому храму Оодзиморидзи пришел странствующий монах и поразился тому, как мало вокруг растет деревьев. Затем он встал на середину моста Манабаси (букв. «Мост истинного имени»), постоял немного и пошел прочь. Спустя время с мостом стали происходить странные вещи — он начал изгибаться и подниматься вертикально. А еще спустя время мост совсем выпрямился и превратился в большую криптомерию, которой дали имя Манабаси суги-сама («Боже-ство-криптомерия моста Манабаси»)[2, с. 244–245].

Странствующий монах, если верить древним преданиям горной области Титибу (преф. Сайтама), положил начало и многовековым лесам местности Огано. Удивившись, что там не растут криптомерии, он достал свою еду и стал есть ее деревянными палочками, вырезанными из криптомерии. (Заметим попутно, что палочки для еды-*хаси* на протяжении многих веков делали из древесины этого дерева). Поев, монах воткнул палочки в землю и велел их исправно поливать. Местные жители не посмели послушаться достопочтительного монаха и стали поливать палочки, которые со временем превратились в «двойную» криптомерию — дерево, у которого из одного основания растет два, (а бывает и три) основных ствола. Криптомерия росла очень быстро и скоро вокруг нее появилась молодая поросль. Имя это дерево получило Ииморисуги («Криптомерия из леса, где обедали»). Благодаря этой криптомерии позднее, как считают, свое имя получила и деревня, где это дерево выросло, и носит его до сих пор [2, с. 245–246].

В Японии старым криптомериям приписывались магические, и даже демонические способности, о чем сохранилось немало сведений в фольклорных текстах, осо-

бенно в легендах центральных префектур страны. Так, в преф. Сайтама в г. Кавагоэ — чрезвычайно самобытном с фольклорной точки зрения районе Японии — и сегодня на территории небольшого храма Эммадо, входящего в храмовый комплекс Китаин, обозначено место, где когда-то росла *обакэ-суги* — «криптомерия-оборотень». Согласно сохранившимся преданиям, у этого дерева было несколько имен. Одно из них звучало как *Дзямонсуги* и понималось как «Криптомерия-змея». Это название дерево получило потому, что своим обликом напоминало огромного змея, голова которого взидала сверху на все происходящее внизу. Вид криптомерии пугал местных жителей, и они решили срубить ее. Однако едва один из них ударил топором по стволу, как из ствола начала капать настоящая кровь. Испуганные люди в ужасе убежали прочь, а спустя время все, кто пришел тогда рубить дерево, тяжело заболели [1, с. 16]. Попутно заметим, что мотив кровоточащего дерева оказался очень плодотворным для японской традиции и рассказы о кровоточащих деревьях, например соснах, широко бытовали в разных районах страны.

В г. Кавагоэ у Криптомерии-змеи после того, как из ее раны потекла кровь, появилось еще одно название — *Киритидэ-но суги*, что значит «Криптомерия, из которой пошла кровь, [после того, как ее] надрубили». Сохранились также сведения о том, что эта криптомерия могла менять свой облик и морочить людей. Бывали случаи, что людям, которые смотрели на нее издали, она казалась сосной. Удивленные прихожане знавшие, что около храма Эммадо растет именно криптомерия, подходили поближе и действительно видели криптомерию. Однако стоило им отойти подальше, их взору вновь открывалась огромная сосна [1, с. 16]. Из-за этой особенности дерево и получило свое третье имя — *Обакэ-суги* («Криптомерия-оборотень»).

Среди чудес храма Китаин называют обычно и «Криптомерию со звездой», которая росла когда-то при входе на территорию храма. Теперь о тех временах напоминают две высаженные здесь молодые криптомерии, указывающие место древнего чуда. Рассказывают, что в давние времена буддийский монах Сонкай, будущий настоятель храма Китаин, ехал по тем местам на повозке, запряженной быками. Он должен был найти место для нового храма. Вдруг быки остановились около моста через небольшую речку и никак не хотели ехать дальше. Сонкай огляделся по сторонам и увидел пруд. Не успел он подойти к нему, как на поверхности пруда появились странные всполохи. Спустя время си-

яние сузилось до размеров шара, а шар вдруг вынырнул из воды и стал медленно подниматься к небу. Он плыл по небу, пока не достиг вершины старой криптомерии. Замерев на верхушке, шар превратился в большую яркую звезду. Сонкай воспринял это чудо как божественный знак, и вскоре на этом месте был построен буддийский храм. Старую криптомерию стали называть *Мёдзё-суги* («Криптомерия со звездой»), а следом и пруд получил название *Мёдзё-икэ* («Пруд звезды») [1, с. 2].

Знаковой стала и криптомерия около синтоистского храма *Миёсино-дзиндзя* в г. Кавагоэ, относящаяся к семи чудесам этого города. Ее называли *Хацукари-но суги* («Криптомерия первого гуся»). Рассказывали, что каждый год в одно и то же время стая гусей пролетала над этим деревом и летевший впереди гусь обязательно садился на верхушку криптомерии, кричал три раза, и лишь затем стая продолжала свой путь. Не было такого года, чтобы гуси пролетели мимо этого дерева или чтобы один из них трижды не подал голос [1, с. 26]. Это удивительное явление вскоре стало одним из тех чудес г. Кавагоэ, слава о котором разнеслась по всей Японии. Более того, популярность этой истории была столь велика, что великолепный замок, находящийся в этом городе и известный как *Кавагоэдзё* «Замок Кавагоэ»), стали все чаще называть *Хацукаридзё*, а именно, «Замок первого гуся». Более того, издавна высказывались самые разные предположения насчет того, что же кричат гуси, пролетая над этим местом. Жители этих места издавна полагали, что не так важно, что именно они кричат, а важен сам факт их крика. Говорили, что если гуси не прокричат, эти края ожидают несчастья. Потому к крикам гусей в этой местности относились как к гаранту благополучия на весь следующий год.

Как видно для японской народной культуры с давних пор было характерно создание своеобразного «именника» для особо почитаемых деревьев. Однако при изучении японского фольклора обнаруживается, что народные имена давались не только растениям, но и другим объектам, возведенным в ранг священных. Если же объекты уже имели «официальные» названия, то нередко возникали так называемые «вторые» имена, за каждым из которых стояла определенная фольклорная история. Такие имена в японской народной традиции есть у природных объектов — озер, прудов, водопадов, гор и холмов, а также у буддийских и синтоистских храмов. Именно поэтому изучение японской ономастики всегда тесно связано с исследованиями с области фольклора и народной культуры.

Литература:

1. Кавагоэ-но дэнсэцу (Легенды Кавагоэ). Кавагоэ, 2000. — 246 с.
2. Нихон-но минва (Японские народные повествования). Токио, 1993. — 365 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Концепт Love в художественной литературе (на материале произведений У. С. Моэма)

Курцева Дарья Олеговна, студент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена лингвистическому анализу концепта «Love» в произведениях английского писателя Сомерсета Моэма «Up at the Villa» и «Theatre». Предметом анализа выступают понятия, репрезентирующие концепт «Love», данных произведений.

На рубеже двух тысячелетий в языкознании происходит смена научных парадигм. В центре внимания лингвистов оказывается человек как носитель языка, являющийся представителем той или иной культуры. В рамках этой научной парадигмы сформировались два научных направления: лингвокультурология, изучающая язык, как носитель определенной национальной ментальности, и когнитивная лингвистика, рассматривающая отражение в языке познавательных процессов [1].

В центре изучения когнитивной лингвистики находится концепт. Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры», в виде которого она входит в ментальный мир человека. Из концептов той или иной культуры, словно из мозаики, складывается концептосфера определенного языка, рисуя национальную картину мира. В отечественной лингвистике, термин «концепт» был заимствован из англоязычной литературы в середине 70-х годов, когда встала проблема адекватного перевода этого термина в работах зарубежных авторов. Тогда английское слово «concept» предлагалось переводить как «понятие» [2].

Концепт, в отличие от значений слова, представляет собой целостный смысловой образ, ассоциируемый с данным словом. Он формируется в процессе восприятия слова в составе разнородных и разнообразных употреблений [3].

Концепт любви, безусловно, принадлежит к числу настолько высоких духовных абстракций, выше которых, по выражению Р. Рождественского, «в человеческой душе начинается мертвое, безвоздушное пространство» [4].

В рамках данного исследования любовь понимается, как глубокое, интимное чувство, сердечная склонность.

Сложный, противоречивый характер любви проявляется в наличии двух противопоставленных чувств: положительного эмоционального переживания и отрицательно окрашенного чувства. Когда любовь — положительное чувство, она сопровождается счастьем

/ happiness; радостью / joy; привязанностью / affection; интересом / interest; удовольствием / pleasure; восторгом / delight; заботой / care; волнением / excitement.

Любовь может быть представлена в комплексе с негативными эмоциональными состояниями: любовь — печаль / sorrow; любовь — тоска / longing for; любовь — отчаяние / despair; любовь — страдание / suffering; любовь — боль / pain; любовь — страх / fear [5].

При этом важно подчеркнуть, что в языках разных народов, ориентированных на разные культурные традиции, различаются концепты истины и правды, соотносимые с миром индивидуальности, субъективности (поле концепта правды) и с миром объективной реальности (поле концепта истины).

О синонимичности любви и ненависти говорит тот факт, что их продолжительность невозможно регламентировать; это сильные эмоциональные переживания, имеющие аналогичный температурный режим; вербализация любви и ненависти осуществляется посредством ассоциативных связей с состоянием потери рассудка, опьянением, военными действиями; любовь и ненависть обладают возможностью связывать людей [6].

Коннотации имени концепта «Love» в англоязычных текстах в подавляющем своем большинстве не являются для него специфическими: они в той же мере ассоциируются с абстрактными именами и именами эмоции вообще. «Общеабстрактными» являются персонификация и реификация.

На первый взгляд специфические «вещные образы» любви относительно многочисленны: здесь можно отметить уподобление любви животным и растениям, отождествление ее с болезнью и страданием, бременем и соствязанием. Но если согласиться с тем, что собственно коннотациями лексемы, отражающими этносемантическую специфику концепта, являются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия», то

определяющим при анализе «образов любви» будет отношение признака, на основании которого осуществляется метафорический перенос, к его участию/неучастию в формировании семантического прототипа соответствующего концепта [7].

И тогда оказывается, что в основании более или менее регулярных образных метафор концепта любви лежат признаки, входящие в число его энциклопедических (но не дефиниционных) семантических признаков, несущих информацию, превышающую необходимый и достаточный минимум сведений для выделения предмета из класса ему подобных [8].

«Образы любви» — это своего рода маски «чужих имен», которые примеряет себе концепт, выступая в качестве определенного «персонажа». В то же самое время один и тот же семантический признак, лежащий в основании базовой когнитивной метафоры, может породить ее различные вербализации — метафорические выражения, построенные на основе нескольких образов, а один и тот же метафорический образ — допускать различные толкования [9].

На базе произведений «Up at the Villa» [10] и «Theatre» [11], была выявлена понятийная структура концепта «Love», включающая в себя 14 понятий, в произведениях С. Моэма: доброта, отчаяние, ненависть, страсть, благородность, унижение, доверие, любовь, милосердие, одержимость, красота, восхищение, честность, жалость.

Сравнивая два произведения, можно отметить, что в произведении «Up at the Villa» автор уделяет больше внимания таким понятиям, как «доброта» и «благодарность», чего не было обнаружено во втором произведении «Theatre». Данные понятия выражаются в основном при помощи прямых номинаций Kindness, Thank и свободных словосочетаний: Heart was filled with love, I owe everything to you, I don't know what I've done to deserve that.

Понятие «счастье» дает наиболее точное описание концепту «Love» в произведение «Up at the Villa». Мы можем отметить, что он встречается чаще в прямых или производных номинациях Harry, Happiness. Центральное место, помимо понятия «любовь», занимают «доверие» и «милосердие», выражающиеся при помощи свободных словосочетаний: I put myself in your hands, never give me away, always loved you.

Интересно отметить, что негативные понятия «отверженность/унижение» и «ненависть» были обнаружены

в малых количествах. В основном, они выражаются при помощи прямых значений humiliation, hated и паремий you have shown me heaven and now you want to thrust me back to earth. Но самое большое количество фразеологизмов можно встретить у концепта «любовь», именно благодаря этому концепту в обоих произведениях мы можем встретить достаточное количество примеров. В большинстве своем, фразеологизмы выражались в переносном смысле: Absolutely sick with love, head over heels in love, fed to the teeth with love, love you terribly, don't leave me.

Понятие «любовь» в «Theatre» встречается в многообразных формах проявления, что однозначно определяет центральное положение этому концепту в произведении. Зачастую мы можем встретить паремии: Heart melted within her when she looked into his deep, friendly eyes, She was head over ears in love with him, I could not love thee, dear, so much, loved I not honor, She had a thing about him и целые художественные тексты: Michael remained a cold love. This did not prevent Julia from falling madly in love with him, I'd rather marry him and be a failure than be a success and married to somebody else, She hated him to have been made unhappy, but, oh. She was so relieved, которые наиболее полно могут передать концепт «Love». Немало внимания автор уделил таким понятиям, как «страсть» и «одержимость». Примеры помешательства на предмете воздыхания легко улавливаются в свободных словосочетаниях: I'm absolutely sick with love for him, Adored him, I never slept a wink all night for thinking of you. На базе произведения «Theatre» были выявлены два понятия, наиболее часто встречающиеся в произведении — «любовь» и «страдание». Два абсолютно антонимичных понятия репрезентированы в равных количествах, а главный способ их выражения как прямой (при помощи прямых номинаций и производных слов), так и косвенный (при помощи фразеологизмов, паремий и свободных словосочетаний). Это говорит о том, что в данном произведении центральное место занимает концепт «Love», проявляющийся при помощи понятий «любовь», «отчаяние», «страсть», «одержимость».

В процессе исследования было определено, что выражение концепта «Love» возможно с помощью различных несхожих понятий и различных языковых средств. С другой точки зрения, через призму восприятия другими исследователями, могут быть выявлены иные смыслы.

Литература:

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. — М., 2001. — 5 с.
2. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М., 1997. — 56 с.
3. Лексикографическая интерпретация лексем «Любовь» и «Love» в словарях русского и английского языков // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. статей. Вып. 1. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат» — М., 2006. — С. 281–284
4. Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение: учебное пособие для вузов / Ю. В. Рождественский. — М., 200. — С. 607.
5. Филин Ф. П. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. — М., 1997. — 410 с.

6. Погосова К. О. Лингвокультурологический анализ концепта «печаль/горе» в английской и русской лингвокультурах / К. О. Погосова // Культура и общество: [Электронный ресурс]: Секция «Философия культуры». Московский Государственный Университет Культуры и Искусств — Электрон. журн. — М., 2006. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://cheloveknauka.com/kontsepty-emotsiy-v-angliyskoj-i-russkoj-yazykovyh-kartinah-mira>
7. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика, синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян — М., 1995 — С. 159.
8. Воркачев С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии / С. Г. Воркачев // Филологические науки. — М., 1995. — С. 5–66.
9. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / А. Ченки — М., 2002 — С. 340–369.
10. Моэм У. С. Вилла / У. С. Моэм. — М., 2004. — С. 4–108.
11. Моэм У. С. Театр / У. С. Моэм. — М., 2015. — С. 3–180.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Чужие на Руси: отношение к нетюркским племенам и народам (по следам древнерусских летописей)

Асадов Захир Вахид оглу, кандидат филологических наук, доцент
Бакинский славянский университет (Азербайджан)

Фундаментальное социально-психологическое противопоставление «свои — чужие» в Древней Руси по отношению к народам нетюркского происхождения исследователями описываются фрагментарно, хотя древнерусские летописи пестрят событиями, описывающими отношение русских к инокультурным племенам.

Как известно, первые летописные описания образа «чужого» имеют характер первичной, бытовой, утопической классификации иноязычных племен по их образу жизни и питания, что санкционировало для древних русских право на не-сближение с иноверцами. Однако, судя по летописным сводам, основные сведения о «чужих» летописцы исчерпывали из византийских, римских, греческих письменных источников («Хроника» Георгия Амартола, «Книга Иосиппон» и др.), которые по тем или иным соображениям были в свое время переведены на древнерусский язык. Собственный опыт также стал одним из источников информации о «чужих»: Русь на протяжении веков соседствовала и воевала с разными племенами и народами с различной этнокультурой. Можно заметить, что основным более или менее «достоверным» источником информации о нетюркских племенах были военные столкновения, о которых русские летописцы не ленились сообщать. Ведь Русь на протяжении веков воевала не только с тюркскими народами, но и, так сказать, с «заморскими племенами». Ср.: «Того же лета (6919) приходиша свия воиноу и взяша новгородский пригородок Корельский» [6, с. 159]; «Тои ж(е) зимы (6684) приходиша вся Чюдская земля ко рс [к] ову» [5, с. 73]; «В лып(о) 6857. Прииде корол(ь) Краковскии, и взя лестию землю Волынскую, и ц(е) ркви хр(е)тиянские претвори на латынское богом(е)рѣзское служение» [там же, с. 117]; «В лѣт. ѿ. ѿ. лѣ. [6737 (1229)] мѣца. априля Придоша Мордва с Пургасомъ к Новугороду. и ѿбишася их Новгородци. и зажегше манастиръ стѣе Бѣи. и цркъвь иже бѣ вънѣ града. того же днѣи и ѿгъхаша прочь поймавъ своѣ избѣнѣнѣя болия» [7, с. 313]; «В лѣт(о) 6650. Приходиша ямъ и воеваша область Новгороцкую, избѣшася ладожене 400, и не пустьша ни мужа» [5, с. 67] и мн. др. Как видим, это были, в основном, «чюдь», «емь», «вируяны», «ушконцы», «угри», «венедицы», «ятвязе», греки, литовцы, немцы, поляки и др.

В собранной нами картотеке около 2000 примеров карательных походов нетюркских народов на Русь. Летописец не ленился сообщить о каждой детали, связанной с походами «заморских народов», влияющих на формирование образа «чужого» нетюркского происхождения. Наиболее часто на Русь нападали «свия» (хотя их король не раз целовал крест о ненападении на Русь, о чем свидетельствует само «Рукописание Магнуша»; ср.: «(6860). Се аз, Магнушь, король свейский, нареченный во святом крещении Григорей, отходя сего света, пишу рукописание при своем животе, и приказываю своим детем и всей братьи, и всей земли Свойской не наступати на Русь на крестном целовани [и], занеже нам не пособляетца» [6, с. 112]), литовцы, немцы и болгары: если грабежи и походы вышеуказанных других племен отмечается летописцем в единичных случаях, то записи о походах свей, литовцев, болгар и немцев встречается почти каждый летописный год. Вот некоторые примеры: «В лѣт(о) 6596. Взвша болгаре Муромъ» [6, с. 61]; «В лѣт(о) 6919 [1411]. Пришед Свѣя воиноу и взяша пригород новгородский Тиверьский» [2, с. 401]; «В то же лѣт(о) (6761) приидоша Нѣмци под Псковъ и пожгоша посадъ, въ самых многих псковици биша» [3, с. 306] и др.

Широкой информативности и достоверности написанных сведений древнерусским летописцем мешало сильное влияние мифологических представлений. Достаточно, например, вспомнить, сведения автора «Повести временных лет» об амазонках, халдейцах, британцах, брахмитах, гилийцах, индийцах, о выборе веры князем Владимиром и т.п., с одной стороны, и половцами, уграми, хазарами, печенегами, а также славянскими племенами, с другой стороны: во всех сообщениях подобного типа можно наметить сильное смешение реальных сведений с мифом. Это и понятно, так как летописец старался объединить в один информативный блок сведений различного характера, в котором реальные, живущие по соседству народы и далекие, неизвестные племена характеризовались с единой позиции. Ведь чем больше незнакомым и неведомым был какой-то народ, тем больше о нем создавался миф, тем глубже о нем легенды входили в обыденную жизнь древних русинов. В итоге, летописец видел во всех «чужих» (и знакомых

ему по соседству, и незнакомых ему, далеких народах) «страшные», мифические, сакральные, полной тайн и загадок, колдовские и нечеловеческие качества. По сути, летописец стремился примирить образно-мифологическую картину мира инокультурных народов с естественным для Руси того времени мировоззрением (ср.: бытовавшую в ту эпоху в древнерусской письменной культуре «теорию Божьих казней»). Хотя Русь тогда характеризовалась обширностью международных связей, отношение к «чужим» на Руси было настороженным, что свидетельствует об определенной двойственности восприятия «чужого». Ясно, что проявление толерантности в исследованиях подобного рода, можно сказать, прямо пропорционально объективности исследуемой темы: эти понятия взаимосвязаны в статике исследования динамики социокультурного развития древнерусской лингвокультурной общности.

Как известно, Русь имела вооруженные столкновения не только с соседствующими иноязычными племенами, но и наиболее отдаленными от Руси «чужими» народами. Вероятно, подобное недоверчивое отношение к «чужим» народам, с одной стороны, как отмечают многие исследователи, исходило из самой характеристики русских, а с другой, в частом нападении русских на «чужие» страны можно видеть и политико-экономические факторы: Русь, как и другие средневековые государства, гонялось за наживой, за расширение границ своих владений и за геополитическое влияние в данном регионе. Так, например, если Русь во времена князей Игоря и Олега, а также княгини Ольги имела мирный договор с греками и в большинстве древнерусских текстов встречается гостеприимные и дружелюбные отношения русских с греками (ср.: «и великии князь нашъ Игорьъ. [и князи] и боларе его и людье вси Рустии. послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану. къ великимъ црѣмъ Гречьскимъ. створити любовь съ самѣми црїи. со всѣмъ боларствомъ. и со всѣми людymi Гречьскими» [4, с. 34] и др.), то последний геополитический фактор всё же натолкнул две стороны на вооруженные столкновения. Ср.: «Въ лѣто 6551. Володимиръ иде на Грѣкы» [3, с. 16]; «Въ лѣто 6428 [920]. Посла князь Игорьъ на Грѣкы вои Русь ськыдеи 10 тысящъ. И приплыша ко Цесарюграду, и многа зла створиша Русь: Суд бо весь пожгоша огнемъ; а ихъ же имше плѣнники, овѣх растинаху, инья же къ земль постѣкаху...» [2, с. 107] и др. О тонкостях отношений между «своими» и «чужими» говорит также конфессиональная принадлежность народов. Как известно, княгиня Ольга, признавшись в том, что она до сих пор живет как «поганая», решила принять греческую веру, что впоследствии положительно отразилось в дальнейших русско-греческих отношениях в рамках оппозиции «свои — чужие». Ср.: «Въ лѣто 6463 [955]. Иде Ольга во Греки и прииде Цесарюграду. И бѣ тогда цесарь именовъ Чемьскыи... Она же разумѣвши, рече ко цесарю: «азъ погана есмь; да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ; аще ли сего не створиши, то не имамъ креститися». Царь же послуша словесъ сего и абие крести ю съ патриархомъ. Про-

свъщена же бывши, и она же тогда радовашеся душою и тѣломъ» [2, с. 113–114].

Сближению русских с нетюркскими народами, способствовало борьба русского народа с общими, внешними врагами. Летописи фиксируют, например, совместное нападение русских и варягов на греков: Ср.: «Въ лето 6551 паки на весну посла князь велики Ярослав сына своего Владимира на Греки, вда ему воя многи, варяги, русь, а воеводство поручи Вишате, Аневу отцу. И поиде Владимир на Царьград в лодиях и прошед пороги, и придоша в Дунай» [6, с. 64]. Однако, если русские сближались с тюркскими племенами (в основном, на раннем периоде истории с печенегами, половцами и т.п.) для борьбы с монголо-татарами и за территориальное влияние, то с нетюркскими народами их, в основном, сближал более мощный фактор — тюркское завоевание русских земель. Естественно, для смены власти и в борьбе за территориальное влияние русские прибегали к помощи «чужих». Поэтому факты сближения с нетюркскими племенами, в том числе и славянскими, летописи фиксируют наиболее часто. Ср. примеры: «(6748) Того же лета приходи с немцы князь Юрьи Володимерич, а Ярославль внук, с медвежаны, съ юрьевъцы, с велиядцы. И взяша град Изборск, и приде ко Пскову; и выдоша противу ему псковичи, и побита пскович, и посад пожегль; и много зла бысть. И возвратишася въ свою землю» [6, с. 91]; «Въ лѣтѣ. ѿ. ф. нд. [6584 (1076)] Ходи Володимеръ снѣ Всеволожь. и Глеговъ снѣ Стѣславль. Ляхомъ в помощь на Чехы» [4, с. 139]; «Въ лето 6699. Ходиша новгородьци съ Корелю на Емь, и воеваша землю ихъ и пожгоша и скотъ исекоша» [6, с. 39] и мн. др.

Хотя и в глазах древнерусского летописца наиболее опасными врагами для Руси среди «чужих» племен (кроме тюркских) были литовцы, немцы и ляхи, в исследованных текстах можно встретить и факты благородного поступка представителей «чужих» стран по отношению к русским. Подобные сообщения не часто можно встретить в летописях. Ведь в большинстве случаев летописец отзывается о «чужих» народах неблагоприятно. Помощь от «чужих» летописец характеризует как божье милосердие грешным русским. Ср.: «Того же лѣта (6739) откры богъ милосердие свое на нас грѣшных, и створи милость свою въскорь: прибѣгоша Нѣмци изъ заморья съ житомъ и с мукою, и створиша много добра; а уже бяше при конци град сей» [2, с. 279]. Подобные же факты фиксируют и другие, областные летописи (например, Суздальская), что говорит о важности выделения данного факта в древнерусском историческом летописании: «Въ лѣтѣ. ѿ. ѿ. лѣ. [6739 (1231)] Гѣкры и Бѣ мѣрдие свое на нас грѣшных. створи мѣсть свою въскорь. прибѣгоша Нѣмци изъ заморѣа. съ житомъ и с мѣкою. и створиша много добра» [7, с. 357]. Заметим, что в трудные минуты и в минуты отчаяния от поражения в междоусобной борьбе за территориальное влияние между русскими князьями, последние наиболее часто укрывались у ляхов и «угровъ». Такими князьями были Давид, который укрывался у ляхов от Святополка Изяславича, ослепившего Василька Тере-

бовльскаго («...и сосласа рѣчьми Стѣполкѣ с Ляхы... и Стѣполкѣ свѣтъ створи с Ляхы... и Двѣдъ затвориса в градѣ. чая помощи в Ластѣхъ... Двѣдъ бѣжа в Ляхы» [4, с. 188]), князь Изяслав, бежавший от Святослава Черниговскаго («(6576) Изяслав же бежа в Ляхи. С(вя)тославу сицю в Чернигове, и половцемъ вою [ю]щим около града Чернигова, С(вя)тослав же, собрав дружины николико, изыде на няко Сновску» [5, с. 57]), князь Ярополк, предпринимавший неудачный поход на князя Всеволода («В лѣтѣ. ф. чг. [6593 (1085)] Ярополкѣ же хоташе ити на Всеволода. послушавъ злѣхъ свѣтннкѣ. се оувѣда Всеволодѣ. посла противу ѣму. снѣ своего Володимера. Ярополкѣ же вставивъ мѣръ свою и дружину Лучьскѣ. бѣжа в Ляхы» [4, с. 144]) и др. Ляхи были одними из самых верных союзников русских в междоусобной княжеской борьбе за территориальное влияние. Кстати, с ляхами древнерусская летопись «путает» радимичей, хотя те принадлежали к восточнославянским племенам: «Быша ж(е) радимцы от рода ляхов; пришедше ту, с(я) вселишас(я), и платят дан(ь) руси, и повоз везуто и до сѣго дне» [5, с. 29].

Что же касается угров, то они были одними из недоверчивых, но почти постоянных союзников русских в военных походах. Угры служили то одним, то другим русским князьям союзниками в междоусобной борьбе между ними. Когда Святополк ночью приехал в Вышгород с целью убить князя Бориса, брата своего («С(вя)тополкѣ же исполнис(я) безумия, Каинов смыслъ приимѣ, посла к Борису, г(лаго)ля, яко »С тобою хощу любов(ь) имѣти и къ отню предам ти«, а лстя под нимѣ, како бы и погубити» [5, с. 47]), то ему в этом деле помогли два варяга и один отрок по имени Георг, родом из угров: «Бяше отрок сеи родомъ угрин, именем Георг, егож(е) любляше повелику Борис: бѣ бо возложил на н(ь) Борис гривну злату велику, в неиж(е) предстояше пред ним» [там же]). Может быть, и поэтому угры остались в памяти у русского народа как непримиримыми врагами, окаянными вероотступниками. Ведь не случайно, что когда сын Святополка князь Ярослав сбежал к уграм, его бояре не признали его и не простили ему этот поступок: «В лето 6626 выбеже Ярослав Святополчиць из Володимеря в Угры, а бояре ево отступниша от него и не простиша ево» [6, с. 73].

В противовес уграм, варяги остались наиболее доверенными союзниками русских (ср.: « [6532 (1024)] и посла Ярослава за море по Варяги. и приде Акунъ с Варягы. и бѣ Акунъ слѣпъ и луда оу него златомъ истькана. и приде ко Ярославу и Ярославѣ. съ Акуномъ поиде на Мьстислава. Мьстислав же слышавъ. изииде противу има. къ Листьвну» [7, с. 135] и др.). Когда-то имевшие большую военную мощь и влияние среди других племен, варяжская сила ослабла после того, когда кривичи, словени, мерь и чюдь восстали против варяжской власти и отказались платить им дань: «В лета 6370 восташа кривичи и словяне, и чюдь, и меря на варяги, изгнаша за море и не даша им дани, и начата сами себе владети и грады

ставити» [6, с. 35]. Воспользовавшись этим, сначала князь Олег, затем и князь Игорь подчинили себе варягов и с тех пор начали использовать их в качестве наемной силы. Ср.: «И съде Олег, кн(я)жа в Киевѣ, и рече: »Се буди мати всем градом руским«. И облагодаша Рускою землею. И бѣша у него м(у)жи варязи, словени, и оттолѣ проч(и) и прозвашас(я) Руссию» [5, с. 16] и др. Варяги служили русским даже в качестве отдельного постоянного военного отряда, которым распоряжался русский князь как мог. Ср.: «В лѣт(о) 6549. Паки на весну посла Ярослав с(ы)на своего Володимера на Греки, и дав ему воя многи, варяги с рус(ь)ю, и воеводство поручи Вишате, Аневу отцу» [там же, с. 53]. Они были верными союзниками как в междоусобной борьбе между русскими князьями, так и в борьбе с внешним врагом. С помощью варягов князь Владимир в 980 г. убил князя Рогволода и силой взял его дочь Рогнеду в себе жены: «(6487) Володимерѣ же собра воя многы, Варягы, Словенѣ, Чюдь, Кривици, и поиде на Рогѣволода; в се же время хотяху Рогѣнѣдѣ вести за Ярополка. Иде Володимеръ на Полтескѣ, и уби Рогѣволода и два сына, а дщерь его Рогнѣдѣ поня себѣ женѣ; и поиде на Ярополка» [2, с. 125]. Когда в 1015 г. князь Владимир пошел против князя Ярослава, последний собрал войско именно из варяг. Именно с помощью варягов тот же Ярослав выступил против Святополка в 1016 г., против Мстислава Черниговскаго в 1024 г. Русские князья имели над варягами такую власть, что могли распоряжаться этим наемным войском, как хотели: они могли использовать их силу против других русских князей в междоусобной борьбе, против внешних врагов, даже имели право подарить другому князю в борьбе с врагом. Ср.: «В лѣт(о) 6549. Паки на весну посла Ярослав с(ы)на своего Володимера на Греки, и дав ему воя многи, варяги с рус(ь)ю, и воеводство поручи Вишате, Аневу отцу. И поиде Володимер на Ц(а)рьград в лодияхъ, и прошедше пороги, приидоша в Дунам» [5, с. 53]. Если русский князь Святополк прославился наемными печенегами, то Ярослав Владимирович вошел в русскую историю как покровитель варягов. Именно с помощью варягов Ярослав Владимирович разгромил чюдь и на их территории приказал построить город Юрьев в 1030 г. («В лѣт(о) 6538. Ярослав Бѣязы взял. В сем же лѣте идя Ярослав на чюдо, и побѣди я, а постави град Юрьев» [там же]), смог на время отогнать печенегов у новгородских ворот в 1036 г. («(6544) Ярославу ж(е) сицю в Новѣ-городе, прииде ему вѣсть, яко печенѣзи обстоят Киев. И Ярослав же собра воя многи, варягы и словени, и прииде къ Киеву весне, и вниде во град свои, и печенѣг без числа видѣвъ» [там же]). Однако следует отметить, что русские князья четко противопоставляли понятия «своих» и «чужих» по отношению варяг. Хотя и они долго и верно служили русским князьям в качестве наемной военной силы, с одной стороны, их гибель не вызывал у русских князей жалость и печаль: «(6532) Мьстислав же, о свѣт заутра, видѣ лежаща иссечены от своих стѣверы и варяги Ярославли, и реч(е): »Кто сему не рад? Се лежитъ севяренин,

а се варяг, а дружина своя цѣла» [5, с. 52]. С другой стороны, древнерусские летописи фиксируют также вероломное отношение варяг к русским. Варяжские наемники князя Ярослава бесчинствовали, творили насилие новгородцам и изнасиловали местных девушек и жён. Ср.: *»И Ярославу тогда в Новѣгородѣ не вѣдущу ему о отни см(е)рти, кормяше варягы, бояся рати. Варязи ж(е) бяху мнози у Ярослава и насилие творяху новгородцем и женамъ их»* [там же, с. 49].

Исследованный материал показывает, что отношение русских к «нетюркским» племенам невозможно охарактеризовать стабильно дружелюбным или же стабильно недоверчивым. Русь то воевала с этими племенами, но заключала мир на протяжении всей истории своего развития и становления как мощного государства. Древнерусские летописи фиксируют факты нападения русских почти на все «нетюркские» племена, известные тогда русским князьям. «Враг моего врага — мой друг» — именно этот принцип сближал русских князей с другими русскими князьями в борьбе с мощным врагом Руси — с тюркскими племенами. Этот фактор был настолько сильным, что даже сами русские князья, раньше воевавшие между собою за территориальное влияние, не только заключали союз между собою против нашествия тюрков, но и осмеливались выйти в поход в те земли, *«иде же деды и отцы не бывали»*. Ср.: *«В лето 6694 ходивше на половцы, похвалився, Ольгови внуцы, черниговские князи и рязанские, и взяша вежи их и полон много, и рекоша: »Пойдем, иде же деды и отцы наши не бывали, в лукоморий избием всех«; и поидоша...»* [6, с. 80]. Всё это служило нейтрализацией враждебных отношений между русскими князьями и появления первых признаков объединения русских земель. Древнерусские летописи отражают данное положение отчетливо: *«Того же лета (6568) Изяславъ, Святославъ, Всеволод, Всеславъ совокупиша вои бецисла и поидоша на конех, в лодиях, бецисленое множество, на Торкы. Слышавши же се Торци, убояшася, пробъгоша и до сего дни; помроша бѣгающе, гнѣвомъ божимъ гоними: ови от зимы изомроша, други же гладомъ. Тако богъ избави крестьянъ от поганых»* [2, с. 183] и др.

Можно заключить, что древние представления о «чужих» в общественном сознании русских представлял собой разрозненный комплекс знаний, черпаемых, как мы уже указали выше, из источников различного характера. Естественно, подобное исследование представляет собой большие трудности по той простой причине, что обращение древнерусскому сознанию — это, образно говоря, своеобразное исследовательское путешествие во времени. Объективность подобного исследования имеет только один критерий — показать реальную картину мира Древней Руси сквозь систему взглядов и отношений древних русинов с «чужими». Исследование показало, что мировидение древнего русина являет собой своеобразный пример социально-общественной стратификации общества исторически переходного типа, когда «чужое» становится «своим». Поэтому процесс восприятия «чужого» как своего в истории

Руси шел по пути расширения как самой русской национальной картины мира и этнокультуры, так и по пути открытия новых, ранее не известных сфер и уровней «чужой» культуры и к ее адаптации, постепенного владения языком «чужих», расширения родственных связей с иноплеменниками, выяснения взаимосвязей с чужаками, углубления торгово-экономических взаимоотношений. В итоге произошла нейтрализация исторически древнейшей категории «чужие» и постепенное ее вхождение в сферу «своих».

Репрезентация своих «чужих» в памятниках письменности Древней Руси показывает, что постепенная идентификация «своих» и «своих чужих» протекала на фоне борьбы с древнетюркскими народами, точнее, на фоне различных взаимоотношений с древними племенами. Сюда относится, в первую очередь, брачные отношения с тюрками (сперва, с половцами, а затем и с монголо-татарами), потом — социально-экономические и торговые связи с тюркскими народами. С течением времени, «чужие», как показало исследование, полноценно вошли в древнерусское общество, служили русским князьям, женились на русских девушках, многие даже приняли православную веру, обзавелись собственными земельными владениями, постепенно стали частью русского государства и общества. В результате нарушился единый критерий социальной стратификации древнерусского общества, выразившийся в наличии культурно-текстуальных лакун (этноэйд) и письменных свидетельств древнейших процессов аккультурации и инкультурации, в образовании различных социальных групп, а также в особенностях характеристики и описания чужаков, постепенно уживающихся в древнерусском обществе. Н.С. Борисов замечает: «Многие века соседства с кочевниками степей... Около двух веков пребывания Руси в составе владений потомков Чингисхана... Всё это должно было так или иначе отразиться на государственном устройстве, общественной жизни, культуре и менталитете наших предков. Должно... Но отразилось ли? И если да, то как? ... Вывод, как правило, один: »поскреби русского — и найдешь татарина«...» [1, с. 291].

Исследование показало, что, несмотря на то, что сведения о «чужих» на Руси складывались из различных источниках, вплоть до мифологического характера, «чужие» все же с течением обстоятельств и в силу исторических событий, которые коренным образом изменили судьбу древнерусского государства, смогли ужиться в древнерусском обществе. Основной преградой для вхождения «чужих» в древнерусское общество — было различное вероисповедание «чужих» народов, которое казалось для русского народа чем-то сверхъестественным и нечеловеческим. Византийские, римские и греческие учения, христианские переводные книги, с одной стороны, а также древнейшие, языческие, родовые идеалы и учения «отцов и дедов своих» сильно влияло на общественное сознание Древней Руси. Различные христианские теории и догмы, в том числе, теории «казней Божьих», «любите ближнего своего», «власть от Бога», «братолюбие», «мирское благоче-

стие» и др., во многом оказали отрицательно сильное влияние на принятие «чужих» своими, повлияли на общую политическую ситуацию на Руси того времени. Иначе говоря, все эти религиозные учения, переплетаясь с древнейшими языческими верованиями и видоизменяясь под влиянием реальных исторических обстоятельств (войны с различными кочевыми народами), соединились всецело против «чужих», в частности, против «своих поганых». Противопоставление это являлось наиболее актуальным в эпоху Древней Руси, когда Русь была в центре активных иноплеменных нападений. В эту эпоху Русь была на исторической арене как военный плацдарм. Не случайно, что древнерусские летописи пестрят сообщениями о военных действиях и сражениях русских с тюркоязычными и дру-

гими народами. Естественно, что в такой обстановке враждебной стороне, тюркам, склонны были приписывать отрицательные черты, а себе же — положительные, что, с другой стороны, говорит о наличии в эту эпоху группового самосознания. Актуализация древнерусского самосознания происходила именно в ту пору, когда Русь сталкивалась с иноэтничной средой: это происходило в случае масштабной военной угрозы со стороны кочевых племен. Так постепенно воссоздалась картина мира Древней Руси относительно «чужих» и постепенно выработалась древнерусская национальная система идеологий и менталитета. Итак, была сформулирована первичная логика использования биполярности при разграничении, с одной стороны, «своих» и «чужих», а, с другой — «своих» и «своих чужих».

Литература:

1. Борисов Н. С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Молодая гвардия, 2004. 530 с.
2. Новгородская I летопись младшего извода по Комиссионному списку. М. — Л.: АН СССР, 1950. 520 с.
3. Новгородская I летопись старшего извода по Синодальному списку. М. — Л.: АН СССР, 1950. 540 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: АН СССР, 1926—1928. 680 с.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Новгородская летопись по Дубровскому. М.: ЯСК, 2004. 460 с.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 34. Пискаревская летопись. М.: АН СССР, 1978. 386 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Никоновская летопись. Спб., 1901.

Управление однокоренных имён существительных в русском языке и их эквиваленты в персидском языке

Ахмади Мирейла, кандидат филологических наук, доцент;
Мохаммади Мохаммад Реза, кандидат филологических наук, доцент;
Назари Феззе, аспирант
Университет Тарбиат Модарес (г. Тегеран, Иран)

Ключевые слова: управление, имя существительное, эквивалент, русский язык, персидский язык

Темой настоящей статьи является управление однокоренных имён существительных в русском языке и их эквиваленты в персидском языке. Материал исследования — однокоренные существительные современного русского литературного языка. Сначала характеризуется имя существительное как единица речи с точки зрения русских лингвистов.

В «Русской грамматике» так описывается имя существительное: «Имя существительное — это часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) и выражающая это значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода. Существительное называет предметы в широком смысле слова; это названия вещей (*стол, стена, окно, ножницы, сани*), лиц (*ребенок, девочка, юноша, женщина, человек*), веществ (*крупа, мука, сахар, сливки*), живых существ и организмов (*кошка, собака, ворона, дятел, змея, окунь, щука; бактерия, вирус, микроб*), фактов, событий, явлений (*пожар, спектакль, беседа, каникулы, печаль, страх*), а также названных

как независимые самостоятельные субстанции непроецессуальных и процессуальных признаков — качеств, свойств, действий, процессуально представленных состояний (*доброта, глупость, синева, бег, решение, толкотня*)» [15, § 1121].

Н. С. Валгина в «Современном русском языке» так характеризует морфологическую категорию существительных: «Слова, которые служат названием предмета в широком смысле, т.е. имеют значение предметности, называются именами существительными. Имена существительные как часть речи могут быть названиями конкретных предметов, вещей (*стол, перо, книга*), веществ (*масло, ртуть, медь*), живых существ и организмов (*мальчик, лиса, гусеница*), явлений объективной действительности (*весна, зима, холод, гром*), отвлеченных свойств и качеств (*храбрость, сила, успеваемость, синева*), действий и состояний (*питье, скачок, уборка, отдых*). Действие или состояние, в отличие от глаголов, в имени существительном выражено вне какой бы то ни было связи с производителем дей-

ствия, вне времени протекания (*питье, уборка, посев, езда* и т.д.), что невозможно при выражении действия или состояния глаголом, где, как правило, одним из условий является указание на время действия и на производителя действия. Морфологическими признаками имен существительных является их изменяемость по падежам, а также наличие грамматических категорий рода, числа, одушевленности и неодушевленности. Таким образом, значение предметности имен существительных выражается в том, что существительные принадлежат к одному из трех родов: мужскому (*стон, конь*), женскому (*игра, песня*) или среднему (*дело, поле*), что существительное может иметь или формы единственного числа для обозначения отдельного предмета, явления или понятия (*стул, мысль, параметр*), или формы множественного числа, обладающие значением множественности (*поля, столбы, карандаши, сомнения*). Значение предметности выражается и в наличии определенного падежа (открылась дверь — И. п., стол у двери — Р. п., хлопнул дверью — Т. п. и т.д.). Существительные могут обозначать одушевленные (*мальчик, крот*) или неодушевленные (*береза, дом*) предметы» [5, с. 112].

Для понимания и описания однокоренных имён существительных в русском языке сначала необходимо изучить такие понятия, как корень и однокоренные слова. Так, при выполнении морфемного (словообразовательного) разбора слов и при выборе написания в слове той или иной буквы, соответствующей определённому орфографическому правилу, поможет справочная литература, например «Словарик школьника» О.Д. Ушаковой. И прежде всего это, конечно, следующие три основных правила: правописание безударных гласных в корне; правописание звонких и глухих согласных в корне; правописание непроизносимых согласных в корне. Во всех этих случаях необходимо подбирать к проверяемому слову однокоренные (родственные) слова. Корень — это главная часть слова, в которой заключено общее для всех однокоренных слов значение. Например: *роза, розан, розанчик, розарий, розариум, розочка, розовый*. Большинство однокоренных имен существительных образуется с помощью аффиксаций и использования разных приставок и суффиксов, каждый из которых добавляет свое лексическое значение.

Однокоренные слова составляют гнездо. Гнездо может быть маленьким (*бисквит — бисквитный*), большим (*береза — березина, березка, березник, березняк, березовый, берёзонька, подберёзовик*) и очень большим (*бег — бега, беганье, беглец, беглянка, беготня, бегство, бегун, бегунки, бегунья, беженец, беженка, вперемежку (нареч.), выбегать, выбежать, добегать, добежать, забег, забегать, забежать, избегать, избежать, конькобежец, конькобежка, конькобежный, набег, набегать, набегать(ся), набеговый, набегом (нареч.), на побегушках, неизбежность, неизбежный, оббегать, оббежать, обегать, обежать, отбегать, отбежать, перебегать, перебежать, перебежка, перебежчик, перебежщица, побег, побегать, побежать, подбегать, подбежать, прибежать, прибегнуть, прибежать, прибежище,*

пробег, пробегать, пробежать(ся), пробежка, разбег, разбегаться, разбежаться, сбегать(ся), сбежать(ся), убежать, убежать, убежище, центробежный). В слове может быть один корень (*ольха*), два (*пароход*), три (*водогазельцебница*) и даже четыре (*электросветоводолечение*) корня. Следует различать одинаковые по звучанию и написанию, но разные по значению корни: *голубой, голубенький, голубеть, голубизна, голубоватый; голубь, голубёнок, голубиный, голубка, голубятня*. В данных гнездах разные корни!» [Ушакова, 2005: 1].

Ю.А. Рубинчик в книге «Грамматика современного персидского литературного языка» характеризует части речи в персидском языке: «Одной из важных проблем морфологической теории языка является проблема классификации части речи — установление четких границ между ними и семантико-грамматических критериев, которыми можно руководствоваться в их выделении. Наибольшие трудности возникают при установлении границ между именными частями речи. Большинство исконных имен представлены чистой основой, преимущественно с консонантным исходом. Отсутствие морфологических показателей, которые характеризовали бы слово в исходной форме как субстантивную или адъективную единицу, приводит к тому, что в персидском языке слабо выражены различия между существительными и прилагательными. Семантические и грамматические различия между ними выявляются только при употреблении в составе словосочетаний и предложений, при смысловом и синтаксическом анализе более широкого контекста. Собственно именные части речи иногда бывают тесно связаны с персидскими причастными формами, причем некоторые из них полностью перешли в существительные и прилагательные» [Рубинчик, 2001: 98–99].

Х. Анвари, Х. Ахмеди Гиви в книге «Персидская грамматика» так характеризуют имена существительные в персидском языке: «Имя существительное — это часть речи, которая может непосредственно и независимо выступать в роли подлежащего (субъекта), прямого и косвенного дополнения, используется для называния лиц или животных, вещей или понятий. Например: «*Ахмед*» и «*книга*» [Анвар, 1385(2006): 80].

Ю.А. Рубинчик в книге «Грамматика современного персидского литературного языка» так характеризует имя существительное в персидском языке: «Имя существительное занимает важнейшее место в системе частей речи персидского языка и охватывает основную массу его номинативных единиц. Имена существительные могут обозначать лиц и животных «*مرد*» *мужчина*, «*دختر*» *дочь*, «*شیر*» *лев*, «*کتاب*» *книга* и т.д. Имена существительные со значением действия, состояния чаще, чем другие существительные, выступают в роли именной части сложных глаголов — наиболее распространенной структурной разновидности персидского глагола: «*گفتگو کردن*» *разговаривать*, «*داده دادن*» *продолжать*, «*زحمت کشیدن*» *трудиться* и т.д.» [Рубинчик, 2001: 102].

В учебнике персидского языка для школьников шестого класса однокоренные слова объясняются таким образом: «Показателем однокоренных слов в персидском

языке являются основы «прошедшего» ماضی и «прошедше-настоящего» مضارع времени. Слова, у которых основы прошедшего и прошедше-настоящего времени одинаковы, являются однокоренными словами. Например: دانش *знание*, دانا *знающий*, دانشمند *ученый* и т. д». [alefb6. mihanblog.com/post/65].

Таким образом, выяснились общие грамматические характеристики имен существительных в русском и персидском языках, мнения некоторых лингвистов, а также тот факт, что, в отличие от русского языка, в персидском языке отсутствуют падежные окончания, но значения выражаются при помощи предлогов, изафетных структур и т.д.

Ниже приведены однокоренные имена существительные, в употреблении которых могут происходить ошибки. Во избежание таких ошибок предлагается употреблять их в сочетании с глаголами, прилагательными или другими существительными. Порядок приведения следующий: сначала существительное, его управление, персидское значение и потом толкование, пример с его эквивалентом в персидском языке.

Корень: бег

Бег (на что? с чем? от кого-чего?/кого-чего?) — دو Видлёткой атлетики — бегание на разные дистанции. *Бег на сто метров* — دو دوی صد متر, *бег с препятствиями* — دو دو با مانع. Беглец (из чего?) — فراری، متواری. Тот, кто предпринял побег! Спасся бегством. *Беглец из дела* — فراری از کار.

Беготня (по чему?) 1 — تک و دو، دوندگی. Непрерывное движение бегом в разных направлениях. 2. *перен.* Занятия, хлопоты, требующие спешки. *Беготня по разным местам* — دو دوندگی در زمینه های مختلف. Бегство (из чего?) — فرار. Тайный самовольный уход откуда-нибудь, побег. *Бегство из плена* — فرار از اسارت. Бегун (на что?) — دونده. Тот, кто бежит или хорошо бегаёт. Бегун на короткие дистанции — دو دوی سرعت. Однокоренные существительные с общим корнем (бег) в персидском языке имеют эквиваленты со значениями: دو، فرار. Они выражаются изафетной конструкцией и предлогами (با/), (از/), и т.п. В этой группе управление однокоренных существительных полностью отличается.

Корень: бед

Бед (кому? с кем? с чем? в чем? от чего?) — بلا، مصیبت. То же, что и несчастье. *Бед мне с ним* — بلاى جانم شده، *Бед в нашей стране* — در بدبختی در، *Бед от нежного сердца* — مشکل از قلب مهربان. Бедность (кого-чего?) — فقر، تنگدستی. Жизнь в нужде, состояние того, кто постоянно нуждается. Бедность человека — فقر، تنگدستی بشر، бедность почвы — فقر زمین. Беднота (в чем? кого?) — فقر، فقر جامعه. Беднота общества — فقر جامعه، бедствие (в чем?) — ср. Большое несчастье. Бедствие в жизни — بدبختی در زندگی. Для вышеуказанных существительных с общим корнем «бед» в персидском языке существует несколько эквивалентов с разными значениями, которые выражаются изафетной конструкцией и предлогами (با/), (دار/), и т.п. В этой группе встречается частичное совпадение при употреблении однокоренных существительных.

Корень: вод

Вода (чего?) — آب. Прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода. *Воды Волги* — آبهای رود ولگا. Водник (чего?) 1 — کارگر وسایط نقلیه آبی، راهنمای گردشگری وسایط نقلیه آبی. Работник водного, речного транспорта. 2. Человек, занимающийся водным туризмом (разг.). Водник пароходства — کارگر کشتیرانی. Водность (чего?) — میزان آب. Наличие воды, степень накопления воды в водоёмах. *Водность реки* — میزان آب رودخانه. Водянка (чего?) — بیماری استسقاء. Скопление жидкости в тканях и полостях тела при болезнях сердца и почек и т.д. *Водянка живота* — استسقای شکم. Однокоренные существительные с общим корнем «вод» в персидском языке имеют разнообразные значения с разными эквивалентами, которые в большинстве случаев выражаются изафетной конструкцией без предлога. В этой группе управление однокоренных существительных имеет полное соответствие.

Корень: дал

Даль (чего?) 1 — دوری، دور دست. Далёкое место (разг.) (очень далеко). 2. Далёкое пространство, видимое глазом. *Даль родины* — دور دستهای وطن. Дальность (чего?) — دوری، بُعد. То же, что и далёкий. *Дальность расстояния* — بُعد مسافت. Отдаление (от кого, от чего-н.?) — دوری، فاصله. далёкое расстояние, *отдаление от друзей* — فاصله از دوستان.

Отдалённость (от чего?) — دورافتادگی. Далеко отстоящий (в пространстве, времени). *Отдалённость от центра* — دوری از مرکز. Удаление (от чего?) — دوری، فاصله. То же, что и далёкий, *удаление от работы* — اخراج از کار. Все однокоренные существительные с общим корнем «дал» в персидском языке, как и в русском, имеют одно и то же значение, кроме слова «удаление», которое имеет и другие эквиваленты, например: اخراج، برکناری، قطع، حذف. Преимущественно вышеуказанные словосочетания в персидском языке выражаются изафетной конструкцией без предлога или с предлогом (از/). В этой группе управление однокоренных существительных имеет частичное совпадение.

Корень: лист

Лист (чего?) 1 — برگ، ورق. Орган воздушного питания, газообмена и фотосинтеза растений в виде тонкой, обычно зеленой пластинки. *Лист дерева* — برگ درخت. Тонкий плоский кусок, пласт какого-нибудь материала. *Лист железа* — ورق آهن. Листва (чего?) — شاخ و برگ. Собирательное существительное. Листва дерева, куста. *Листва дерева* — شاخ و برگهای درخت.

Листовка (для чего?) — شبنامه، اعلامیه، اعلامیه سیاسی. Печатный или рукописный листок злободневного агитационного, политического или информационного содержания. *Листовка для передачи информации* — اعلامیه برای اطلاع رسانی. Листок (чего?) — برگه، قبض. Бланк для официальных записей. Контрольный лист. *Листок нетрудоспособности* — برگه ی معذوریت، برگه ی معافیت از کار. В русском языке существительное «лист» употребляется в двух значениях. Первое значение используется только для растения, а второе и другие однокоренные этого слова имеют разнообразные значения. В персидском языке словосочетания с общим корнем «лист» в боль-

шинстве случаев выражаются изафетной конструкцией без предлога или с предлогом (*аз/з/*). В этой группе управление однокоренных существительных имеет полное соответствие.

Корень: машин

Машина (чего?) ماشين، اتومبيل — Механическое устройство, совершающее полезную работу с преобразованием энергии, материалов или информации. *Машина времени* — ماشين زمان. *Машина скорой помощи* — آمبولانس. *Машинальность* (чего?) ماشينى بودن — *Машинальность завода* — ماشينى بودن کارخانه. *Машинизация* (чего?) ماشينى کردن — *Машинизация сельского хозяйства* ماشينى کردن کشاورزی. *Машинист* (чего?) راننده ی لکوموتيو — Механик, управляющий транспортной или другой самодвижущейся машиной, механическим устройством. *Машинист комбайна* — راننده ی کمباين، *Машинист локомотива* — ماشين نويس (чего?) راننده ی لکوموتيو. *Машинистка* (чего?) زن — Специалистка, печатающая на пишущей машинке. *Машинистка учреждения* — ماشين نويس اداره. *Машинка* (для чего?) ماشين — Механический прибор для производства какой-нибудь работы. *Машинка для стрижки волос* — ماشين برای اصلاح مو. Все однокоренные существительные с общим корнем «машин» в персидском языке, как и в русском, имеют одно и то же значение. Словосочетания с этими однокоренными существительными в персидском языке выражаются изафетной конструкцией без предлога или с предлогом (*барайе/*برای). В этой группе управление однокоренных существительных имеет частичное совпадение.

Корень: рук

Рука (кого? чего? на что?) دست، بازو، دستخط، آدم —
1. Одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев. *Рука бога* — دست خدا، *рука дьявола* — دست شیطان، *рука на миллион* — بازوی میلیون دلاری، *рука на руку* — از انگشتانش دست در دست، *золотые руки у него* — هنر میبازد، *рука руку моет* — دست دست را میشوید، 2. Хочется заняться каким-н. делом; разг. *Руки чешутся на работу* — شوق کار دارد، تمایل به کار کردن دارد، دنبال کار میگردد. *Рукав* (кого? чего?) 1 — آستین، شاخه، شعبه، شلنگ. Часть одежды, покрывающая руку. *Рукав одежды* — آستین لباس 2. Отвечвление от главного русла реки. *Рукав Волги* — شعبه 3. Шланг для подачи жидкостей, сыпучих или вязких веществ, газов. *Рукав для пожара* — شلنگ آتش. *Рукавица* (для чего?) دستکش یک انگشتی — Предмет одежды, закрывающий всю кисть и большой палец отдельно. *Рукавица для детей* — دستکش یک انگشتی برای دستکشهای یک انگشتی آشپزی — *кухонные рукавицы*، دستکشهای یک انگشتی برزنتی — *брезентовые рукавицы* — *рукавчик* (чего?) سرآستین — обычно мн. род, пришитой манжет на рукаве. *Рукавчик платья* — سر آستین لباس.

Рукоятка (чего?) 1 — دسته، قبضه. Ручка (в 1 знач.) оружия, ручного инструмента. *Рукоятка кинжала*. قبضه دسته ی چکش، *рукоятка молотка*، *заступа* — بیل، 2. Часть механизма, прибора, за которую берутся рукой для управления, поворота. *Рукоятка штурвала*، *рулевого колеса* — چرخ. Существительные с общим корнем «рук» имеют большой список значений в русском и персидском языках, эквиваленты ко-

торых, особенно в переносном значении, очень разнообразны. В персидском языке, как и в русском, они употребляются в двух близких прямых значениях. В персидском языке в большинстве случаев выражается изафетной конструкцией без предлога или предлогом (*аз/з/*). В этой группе встречается частичное совпадение в управлении однокоренных существительных.

Корень: сад

Сад (кого? чего? с чем?) 1 — باغ. Участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами; сами растущие здесь деревья, растения. *Сад при доме* — باغ جلوی خانه. В некоторых названиях: учреждение, коллекционирующее, разводящее и изучающее растения, животных. *Сад с растениями* — باغ گیاهان. 3. То же, что детский сад. *Сад-ясли* — شیرخوارگاه. *Садик* (кого?) کودکستان — То же, что детский сад (разг.). *Садик детей* — باغ کودکان. *Садовник* (чего?) باغبان — *Садовник учреждения* — اداره باغبان. *Садок* (для чего?) بوستان — Помещение или водоём для содержания и разведения животных. *Садок для птиц* — بوستان پرندگان. Существительные с общим корнем «сад» имеют аналогичные значения в русском и персидском языках. В персидском языке, как и в русском, употребляются в общем значении (*сад/баг/*). В персидском языке в большинстве случаев выражаются изафетной конструкцией без предлога. В этой группе управление однокоренных существительных имеет частичное совпадение.

Корень: ход

Ход (кого? чего?) 1 — حرکت، کار، کارکرد، بازی، روش، راه. Движение в каком-нибудь направлении. *Ход рыбы* — حرکت ماهی، 2. Развитие, развёртывание чего-нибудь. *Ход часов* — پیاده رو، راهپیما، رهرو. *Ходок* (чего?) کارکرد ساعت — Спортсмен, занимающийся спортивной ходьбой, а также вообще тот, кто ходит пешком. *Ходок на длинные дистанции* — پیاده رو در مسافت طولانی. *Ходок быстро дойдёт* — راه پیمای تیم. *Ходок спортивной команды* — ورزشی. *Ходули* (для кого? для чего?) پادراز — При-способление для передвижения большими шагами — пара высоких шестов с поперечными выступами для ног. *Ходули для клоуна* — چوبیا برای دلک. *Ходьба* (кого?) پیاده روی — быстрая ходьба длинным шагом с выпрямлением опорной ноги, с согнутыми в локтях руками. *Ходьба спортсменов* — پیاده روی ورزشکاران. Однокоренные существительные с общим корнем «ход», которые в русском языке имеют разнообразные значения, в персидском языке тоже обладают разными эквивалентами. В персидском языке, как и в русском, употребляются в двух близких прямых значениях. В персидском языке в большинстве случаев выражается изафетной конструкцией без предлога или предлогами (*дар/д/*), (*ба/б/*), (*аз/з/*), (*барайе/*برای) и т.п. В этой группе управление однокоренных существительных имеет частичное совпадение.

Корень: чит

Читка (чего?) 1 — قرائت، مطالعه. Чтение вслух перед группой слушателей (разг.). *Коллективная читка газет* 2 — مطالعه ی دسته جمعی روزنامه ها، مطالعه ی کتابها — *Застольная читка книг* — در پشت ميز. Читалка (для чего?) — سالن مطالعه (прост.). Читальня, а также читальный зал. *Читалка для чтения*

книг — کتابه ی مطالعه ی خانه. Читальня (чего?) قرائت خانه. Учреждение, место, где посетители читают книги, периодику. Читальня университета — قرائت خانه ی دانشگاه. Читатель (чего?) خواننده. مطالعه کننده. Человек, который занят чтением каких-нибудь произведений. Читатель газет — مطالعه کننده ی روزنامه ها. Существительные с общим корнем «чит» в персидском языке имеют разные эквиваленты. В персидском языке в большинстве случаев выражаются изафетной конструкцией без предлога или предлогами (барайе/برای/), (дар/در/) и т.п. В этой группе управление однокоренных существительных имеет частичное совпадение.

Проведенный анализ примеров позволяет сделать следующие выводы.

Однокоренные слова в зависимости от сходства и различия своего управления в русском языке при упо-

треблении в персидском языке делятся на следующие группы:

1. Группа, в которой управление однокоренных имён существительных в русском языке и их эквиваленты в персидском языке полностью различаются.

2. Группа, в которой управление однокоренных имён существительных в русском языке и их эквиваленты в персидском языке имеют полное соответствие.

3. Группа, в которой встречается частичное совпадение однокоренных имён существительных в русском языке и их эквивалентов в персидском языке.

Кроме того, так как в персидском языке не существует падежная система, используются изафетные конструкции с предлогами или без предлога. Некоторые предлоги, используемые в персидском языке, следующие: (дар/در/), (ба/با/), (аз/از/), (барайе/برای/) и т.п.

Литература:

1. Arianpur Kahani, Abbas, English-Persian Dictionary, Tehran. 1987.
2. Анвари Х., Ахмеди Гиви Х., Персидская грамматика 2. Тегеран, 1385(2006).
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
4. Беличков Ю. А. Панюшева М. С. Словарь-справочник. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. М., 1969.
5. Валгина Н. С. Современный русский язык. М., 2008.
6. Дорога в Россию. Учебник русского языка (первый уровень — II). 2007.
7. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень). 2009.
8. Клевцова С. Д. Русско-персидский словарь (учебный). М., Русский язык, 1975.
9. Ожегов с. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1988.
10. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. М., Русский язык, 1984.
11. Розенталь Д. Э. Пунктуация и управление в русском языке. М., Книга, 1988.
12. Розенталь Д. Э. Управление в русском языке: словарь-справочник. М., 1997.
13. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
14. Русская грамматика. М., 1980.
15. Мирзабекян Ж. М. Русско-персидский политехнический словарь / под ред. А. М. Шойтова. М., Русский язык, 1984.
16. Восканян Г. А. Русско-персидский словарь. Тегеран, 1372 (1993).
17. Овчинникова И. К., Фуругиан Г. А., Бади Ш. М. Русско-персидский словарь / под ред. Али Асадуллаева и Л. С. Пейсикова. Тегеран, 1387 (2008).
18. Словарь русского языка в четырёх томах / Академия наук СССР, Институт русского языка. М., 1981.
19. Старт 1.2: учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР. М., 1983.
20. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах. М., 1985.
21. Ушакова О. Д. Словарик школьника. М.: Издательский дом «Литера». 2005.
22. alef6.mihanblog.com/post/65 [Электронный ресурс]

Анализ концепта «судьба» в русском народном сознании

Го Юйхуа, старший преподаватель
Университет «Биньчжоу» (Китай)

Концепт, как все другие новые термины, вызывает достаточно большое внимание среди русского круга. В данной работе мы совершали попытку раскрыть повседневное представление русского народа о Судьбе с целью ориентирования в национально-культурной специфике и с целью улучшения межкультурного общения.

Ключевые слова: концепт, судьба, гештальт

Concept, as an every new term, attracts a great attention of Russian study experts. In this paper we tried to detect the rough idea of Fate for Russians, with the purpose to determine national cultural specific characters, and improve cross-cultural communication.

Key words: *concept, fate, gestalt*

Концепт, как все другие новые термины, вызывает достаточно большое внимание среди русского круга. Концепт выражен как языковыми формами (поэзия, проза, песни и др.), так и внеязыковыми, например, архитектурой, или танцами и там подобное. В данной работе мы совершали попытку раскрыть повседневное представление русского народа о Судьбе с целью ориентирования в национально-культурной специфике и с целью улучшения межкультурного общения.

1. Некоторые теоретические вопросы о концепте

1.1. Определение концепта с точки зрения разной школы

Слово «концепт» произошло от латинского слова *conceptus* — содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. Концепты — это не любые понятия, а лишь наиболее сложные и важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру. Термин концепт используется не только в математической логике или в философии, он как часть нашего сознания и наших знаний о мире является также предметом изучения психологии, этнопсихологии, культуры, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и других гуманитарных наук.

В России термин концепт первым был выдвинут С.А. Асоловым, который в 1928 г. Он определил концепт как мысленное образование. Однако концепт долгое время не привлекал внимание учёных. Лишь в 80-е гг. прошлого века снова возникает интерес к изучению понятия концепта. Многие исследователи придерживаются определения А. Вербицкой: концепт — это «объект из мира »Идеальное«, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире »Действительность»». В общем, мы считаем, что концепт формируется из непосредственного чувственного опыта и деятельности человека.

1.2. Структура концепта

Структуризация концепта, его неоднородность стали очевидны исследователям с самого начала когнитивных исследований. Мнения об основных компонентах концептов высказывались различные. Это потому что концепт многомерен, он имеет сложную структуру. Кроме понятийной основы, он вписывает в себя социо-психо-культурную часть, которая переживается носителем языка и культуры: ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре.

Концепт состоит из трёх слоёв: 1) активный слой 2) пассивный слой 3) внутренняя форма. По мнению Р.М. Фрумкиной активный слой это как бы ядро концепта, то есть, словарные значения, основное понятие, а остальные слои являются лишь периферией концепта, другими словами, они представляют собой народные и личный опыт, коннотации и ассоциации.

1.3. Методы описания концепта

Впервые вопрос о методе, о содержании и реальности концепта был поставлен Константином Дмитриевичем Карелиным. По мере углубления исследования, появления новых задач перед когнитивной лингвистикой возникает необходимость в создании новых методов исследования. Ю.С. Степанов полагает, что метод изучения концепта должен быть совокупностью нескольких методов или, скажем, методик, потому что концепт имеет сложную структуру. Существуют и другие способы описания концептов: семантический анализ, метафорический анализ, анализ ядра и периферии концепта, анализ гештальтов концептов.

Гештальт можно перевести как фигура, конфигурация. Точнее — это специфическая организация частей, которая составляет органическое целое. Гештальт — форма презентации мира в сознании. В когнитивной лингвистике он понимается как «способ соотношения значений с поверхностными формами». В данной работе мы будем изучать концепт Судьба, применяя такие методы концептуального анализа, как этимологическая дефиниция, изучение гештальтов концепта и его ассоциативного поля для того, чтобы выявить глубинные, эксплицитно не выраженные характеристики концепта и узнать его отражение в обыденном сознании русского народа.

2. Концепт Судьба в русском народном сознании

Во многих словарях слова «судьба», «доля» и «участь» определяются как синонимы. Сравнивая разные разъяснения в разных словарях, мы считаем, что авторитетный «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова даёт более полное и всестороннее понимание слова «судьба», он так его определяет: 1. складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств. 2.участь, доля, жизненный путь. 3. история существования, развития чего-либо. 4. будущее, то, что случится, произойдёт (книжн.). 5. кому-либо в функц. сказ. (с инф. обычно с отрицательной красной). В «Толковом словаре русского языка» Ожегова последнее данное значение отсылается на глагол «судить», что означает непредвиденное, не зависящее от воли человека. Возьмем в пример следующие выражения: Судьба судила ему страдания; разлука суждена Судьбою.

Словарные дефиниции показывают, что слово «судьба» имеет неоднозначную специфику, оно исходно многомерно и допускает множество интерпретаций, что в обыденных представлениях носителей русского языка её понимают по-разному, к тому же, это понимание не опирается на эмпирическое знание. Так как «судьба» имеется в действительности как объект идеального, а не материального мира. С помощью слова «судьба» человек оформил идею, воплотившую его реальную зависимость от внешних обстоятельств, и надели её сверхъ-

естественной силой». «В обыденном сознании это идея обретает вид мифа, того, что принимается на веру, не требуя доказательств истинности».

2.1. Гештальты Судьбы

Разные люди имеют разные взгляды на Судьбу. Приведем пример: студент-ботаник — Судьба — это миф, который придумали люди, чтобы оправдать свои ошибки; философ — Судьба — это то, что мы создаём своими руками, умом, мировоззрением, мироощущением. Анализируя множество выражений и сочетаний со словом «судьба», мы разделяем концепт Судьбы на две главные группы гештальтов: одушевленные и неодушевленные.

2.1.1. Судьба как одушевленные объекты

Судьба может быть человеком: 1) Судьба — это раб или подчиненный. Например, мужество управления своей Судьбой; располагать Судьбой; распоряжаться Судьбой; господин Судьбы; хозяин Судьбы; Судьба у человека в руках. 2) Судьба представляет собой одновременно и преступника и суд. В качестве доказательств приведем следующие примеры: Судьба подстерегает (преступник), Жертва Судьбы (преступник); Судьба преследует/арестовывает (следователь). 3) Судьба — покровитель, за что мы её и благодарим. Судьба бережет, Судьба хранит. Противореча покровителю, Судьба может стать нарушительницей и разлучницей: 4) Судьба иногда выступает как режиссёр. Судьба навязала роль. 5) Когда человек пытается бороться / спориться с Судьбой, начинает проклинать её, сломать Судьбу, он считает Судьбу противником, иными словами, врагом. 6) Не только человек, который живёт под ударами Судьбы, считается жертвой, но сама Судьба иногда тоже является жертвой. 7) Судьба — это личность. Может быть, это старушка — Судьба, или Судьба как своевольный и капризный человек, прихоти Судьбы, улыбка Судьбы. 8) Судьба — могильщик. Судьба мне явно что-то роет. В этой группе не трудно заметить одну вещь, что концепт Судьба часто выступает как совершенно противоположные компоненты, например как хозяйка и раб, покровитель и нарушитель, царица и подчиненный, суд и преступник, и т.д.. Это отражает противоречивое сознание русского народа. Судьба как животное: 1) Судьба как бык — взять за рога Судьбу. 2) Судьба как собака — Судьба, как собака, — кого облизнет, а кого укусит. 3) Судьба — вздыбленная лошадь.

2.1.2. Судьба как неодушевленные предметы

Геометрические формы Судьбы: 1) Квадрат — Судьба квадратная. 2) Круг — замыкается круг человеческой Судьбы. 3) Линия — загаданная линия своей Судьбы. 4) Точка — координаты, в которых движется Судьба. 5) Целое — Этот фильм об уделе, о жребии, словом, о том, из чего складывается Судьба человека. Смирятся с обстоятельствами своей Судьбы. 6) Часть — Он понимал, что его Судьба — только часть креста России.

Судьба как другие вещи: 1) Судьба как нить, её можно переплести. Например, шаг одного человека переплетается с Судьбой всей демократии. 2) Судьба — это скульптура, что можно лепить. Например, лепить свою Судьбу, лепка Судеб. 3) Судьба может быть и дорогой. Например, поворот Судьбы, лабиринты Судьбы.

А словосочетанием ухабы Судьбы русские выражают мысль «неожиданные трудности, препятствия, возникшие в жизни человека по воле высшей силы». Это ещё говорит о нелёгком жизненном пути человека. 4) Гештальт Судьба — почва. Война перепахала Судьбы многих людей. 5) Гештальт Судьба — ветка. Переломить Судьбу, как хворостину. 6) Гештальт Судьба — помещение. Они врывались в Судьбы моих подруг. 7) Гештальт Судьба — жилище. Обитатель этой Судьбы. 8) Гештальт Судьба — оболочка. Я, как улитка, оголяюсь, я снимаю свою Судьбу. 9) Гештальт Судьба — клетка. Судьба — это моя клетка. 10) Гештальт Судьба — часы. Маятник Судьбы.

Перечислить гештальты концепта Судьба, естественно, далеко не в силах. Но вышеупомянутые примеры дадут возможность подойти к выводу: концепт Судьба имеет многозначность в представлениях русских, свойственных русскому языком сознанию; он выступает, в большинстве случаев, как агент — субъект действия (когда является различными личностями), так и пациент — объект действия (когда выступает в качестве вещи).

Главным отличием концепта русской Судьбы от всех остальных является то, что её можно найти, потерять, создать, обрести, связать и так далее. Судьбу у человека могут украсть, купить и так далее. Иначе говоря, отношение к Судьбе как к некоей вещи, находящейся в распоряжении человека является уникальным феноменом русской культуры. В этом смысле, с одной стороны, представитель российской цивилизации, обладает гораздо большей свободой выбора в плане использования возможностей своей Судьбы, чем представители других цивилизаций, а с другой, на нем лежит гораздо большая личная ответственность за реализацию своей Судьбы.

2.2. Ассоциация Судьбы со счастьем

Судьба и счастье как близнецы в русском народном сознании, являются очень важными для русских концептами. Они соединены общностью проявлений и расположением на линии жизни. Это и есть воспоминание о прошлом — переживание в настоящем — предвкушение будущего.

То, что в начале считается судьбоносным несчастным, в конце может оказаться большим неожиданным счастьем, или наоборот. Так как счастье есть одни случайности. Его невозможно запланировать. Именно поэтому известный русский философ Иван Ильин заявил: «Счастье нельзя поймать. Счастье приходит само». Неуверенность в постоянном счастье объясняется мнением русского писателя Н. С. Лескова — «Счастье, как его обыкновенно понимают люди, не может быть прочным уже потому, что фундаментом ему служит или случай, или произвол, а не закон, не нравственное начало».

Но «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Семейная жизнь не всегда приносит лишь счастье. Она может довести человека и до смерти. Вот, например, вопреки представлению и ощущению европейцев, которые считают, что браки совершаются на небесах, русские выражают эту романтическую сентенцию почти фатально:

«смерть да жена — Богом суждена». Использование в одном семантическом ряду лексем «смерть» и «жена» усиливает неизбежность брака именно с этой женщиной. Очевидно, что традиционное русское бракосочетание не по любви, а по воле неизбежность. Об этом ярко свидетельствует Судьба героини Л. Толстого Анны Каренины, которая бросилась под поезд и таким образом оборвала свою кратковременную жизнь. Здесь более уместно выражение: «Смерть да муж — Богом суждены».

Слово «судьба» долгое время использовалось в значениях «судебного заседания», «судилища» и «приговора». Именно поэтому современный исследователь Голов говорит: «русская судьба есть приговор, и этот приговор отменить невозможно». «От судеб защиты нет». Все это показывает, что согласно русской ментальности перед своей Судьбой человек беспомощен, бессилен. Ему приходится лишь жить в согласии с Судьбой, смириться с ней. Они убеждены, что если не повезет, «на ровном месте упадешь». Однако само выражение «От судьбы не уйдёшь» указывает на попытку «уйти от судьбы».

«Чему быть, того не миновать». Это вера в неизменность Судьбы, в то, что в жизни всегда бывают всечеловеческие страдания и беды.

Хотя русские верят в фатальность и превратность Судьбы, они не лишаются активной жизненной позиции, потому что нельзя все время жить, руководствуясь мнением, что «беда одна не ходит». Наоборот, каждый может быть «кузнецом своего счастья» и «судьба у каждого на ладони», но для того, чтобы счастье служило человеку, чтобы «счастье и на печи найдёт», надо упорно трудиться и долго терпеть, а не на этой «печи» лежать и ждать, лишь после этого даже «петух несёт яйца, а козёл даёт молоко». Это также помогает пере-

дать высшую степень удачливости: все, что было невозможно, станет вполне достижимым.

Счастье противоположно Судьбе: счастье не судит, и оно не суждено. Счастье выпадает, его приобретают по случаю. Как определил Даль в своем словаре, счастье является случайностью, желанная неожиданность. Это и талант, и успех. Это не только достижение в деле, но и удача в любви, в дружбе. Поскольку счастье есть случай, то и везет обычно глупому: «Дуракам счастье» или «Глупому счастье, умному Бог даст».

3. Заключение

Данная работа даёт краткий обзор истории изучения концепта и обобщённое представление концепта. В результате анализа концепта Судьба в русском народном сознании, мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, в результате анализа собранных примеров выявлены гештальты концепта Судьба и произведено разделение их на две главные группы — одушевленные и неодушевленные.

Во-вторых, в мировоззрении русских концепт Судьба сплетается с фатальностью. Хотя в их сознании Судьба представляется иногда положительным образом, иногда отрицательным. Но количественный анализ выявил, что русские относятся к Судьбе скорее пассивно, пессимистически, чем оптимистически. Большинство из русских чувствуют себя бессильным, беспомощным перед Судьбой.

В-третьих, мы также исследовали ассоциацию Судьбы со счастьем. С одной стороны, человек сознательно или бессознательно смиряется со своей судьбой, скажем, «от судьбы не уйдёшь», а с другой стороны, каждый стремится к счастью и хочет быть «кузнецом своего счастья», борясь с Судьбой. Оба имени оказывают очень большое влияние на мировоззрение и поступки русского народа.

Литература:

1. Аскольцев С. А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / под ред. В. Н. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–280.
2. Захарченко И. В., Красных В. В., Гудкова Д. Б. Русское культурное пространство // лингвокультурологический словарь. М. Гнозис, 2004.
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, 2006.
4. Марченко Е. А. Судьба человека: философско-антропологический подход. Дисс. к. ф. н.: 09.00.13. Религиоведение, философская антропология, философия культуры, Ставрополь, 2004.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ технологии, 2006.
6. Погосян Р. Г. Концепт □СУДЬБА□ и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф. К. Сологуба. Дисс. К. ф. н.: 10.02.01. русский язык. Ставрополь, 2005.
7. Прохоров А. М. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001, — 990с.
9. Черненко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ, сер. 9, филология. 1996, № 6.
10. 姜雅名 对 «концепт» 的解读与分析. 中国俄语教学 2007 (1).

Основные лингвистические проблемы теории заимствования в немецком языке

Лядашева Елена Дмитриевна, соискатель

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

Заимствованная лексика составляет значительную часть словарного состава любого языка. По своему происхождению весь словарный состав немецкого языка принято разделять на слова индоевропейского происхождения, германского и на заимствования из различных языков [5, с. 230]. Наряду со словообразованием заимствования является одним из важнейших способов обогащения словарного состава языка. Исследователи называют его обычным следствием взаимодействия разных народов и наций на почве политических, торговых, экономических отношений.

В словаре лингвистических терминов заимствование определяется как:

1) Обращение к лексическому фонду другого языка для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и для обозначения неизвестных прежде предметов (нередко сами эти понятия и предметы становятся известными носителям данного языка лишь вследствие контактов с теми народами, из чьих языков заимствуются соответствующие слова).

2) Слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования [4, с. 150–151].

Интересен подход Е. В. Розен, которая называет заимствования неологизмами и объясняет это тем, что любое иноязычное слово, впервые употребленное в немецкой речи, воспринимается носителями языка как некоторое отклонение от привычного, нормального. Заимствование является своеобразной цитатой из чужого языка, обладает основными качествами неологизма — новым, непривычным звучанием, непонятной морфологической структурой и практически отсутствием внутренней мотивировки [4, с. 82–83].

В. Г. Демьянов рассматривает заимствование с диакронической точки зрения. Он определяет его как процесс постепенной, протекающей во времени и пространстве адаптации, то есть приспособление иноязычного слова к разным сторонам системы языка — рецептора [2, с. 9]. Но согласно данной точке зрения, заимствование отождествляется с процессом ассимиляции, который в данной дипломной работе будет рассмотрен отдельно.

Иноязычное слово, впервые употребленное в речи, не сразу входит в язык и часто служит лишь для удовлетворения потребности понятнее выразить мысль. Привычное употребление закрепляется в языке лишь после многократного повторения, если оно, как правило, спонтанно исходит от разных лиц. Иноязычное слово становится заимствованным и входит во всеобщее употребление постепенно. Наиболее прочно укореняются те слова, которые заимствуются в национальный язык вместе с новыми понятиями. Это имеет место в тех случаях, когда один из народов находится на более вы-

сокой ступени развития экономики, техники, культуры и т. д. Так, например, ранние лексические заимствования из латинского языка, относящиеся к первым столетиям нашей эры, когда германцы столкнулись с более высокой строительной техникой у римлян, предметами, неизвестными в быту и жизни германцев, прочно вошли в словарный состав немецкого языка и в настоящее время отличаются от немецких слов лишь своим происхождением, но не функционированием. Это общеизвестные слова, заимствованные из латинского языка, например: *Mauer* < *murus*, *Ziegel* < *tegula*, *Pforte* < *porta*, *Fenster* < *fenestra*, *Straße* < *strata* и др. [5, с. 172].

Заимствование, являясь элементом чужого языка, перенесенным из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также являясь самим процессом перехода элементов одного языка в другой, есть один из наиболее распространенных способов обогащения словарного состава языка, то есть номинации. Заимствование как процесс и как результат рассматривается соответственно с точек зрения диахронического и синхронического подходов. Исследованием процесса заимствования, его времени и развития занимается историческая лексикология. В ее рамках выделяется понятие языковых контактов, являющихся основой процесса заимствования. Появление в языке новых обозначений — закономерный исторический процесс. Е. В. Розен называет его «обязательным спутником новаций» во всех сферах деятельности общества [4, с. 90]. Синхронический подход исследует положение заимствованных элементов в системе современного языка и те особенности, которые отличают их от исконных. В рамках синхронического подхода выделяют два общетеоретических вопроса:

1) Какие лексические единства иноязычного происхождения можно отнести к заимствованиям?

2) Какое положение они занимают в системе современного языка?

Заимствуются главным образом слова — назывные единицы, прежде всего существительные. В составе знаменательных слов заимствуются корни и могут заимствоваться аффиксы — словообразовательные и редко формообразовательные (последние — только при контактах между близкородственными языками). Говоря о заимствовании словообразовательных средств, следует упомянуть, что могут заимствоваться не только аффиксы. В языке — реципиенте могут также появляться новые словообразовательные конструкции. Так вследствие усиления влияния английского языка в словарном составе немецкого языка появляются образования с нехарактерной для немецкого словопроизводства морфологической структурой — существительные, образованные по конверсии от глаголов с постпозитивной служебной морфемой: *das Make* — *up*, *der Fallout*. В рамках знаменательных слов также говорят о заимство-

вании топонимов. Но топонимический материал ограничен и специфичен. Кроме того, топонимические заимствования часто относят к явлениям субстрата, то есть реликтам вымершего языка, которые сохранились после ассимиляции одного народа другим. Вследствие не идентичности понятий «субстрат» и «заимствование» возникают трудности при их разграничении. Решающим фактором при их различении является наличие или отсутствие этнической ассимиляции, поскольку субстратные элементы могут возникать только при поглощении одного народа другим.

Заимствование служебных слов в отличие от знаменательных имеет место лишь изредка. Также отмечают факты заимствования фразеологических единиц (главным образом в результате калькирования). Кроме заимствования отдельных слов и словосочетаний имеет место заимствование определенных морфологических и синтаксических форм. Но последнее явление встречается редко и носит временный характер.

Д. С. Лотте выделил три критерия для отнесения какого-либо слова к заимствованным или исконным лексическим единицам, а именно:

1) насколько сочетания звуков данного слова соответствуют общепринятым звуко сочетаниям данного языка;

2) насколько морфологическая форма и отдельные формальные принадлежности слова (аффиксы) соответствуют общепринятым в данном языке, гармонируют со всем строем жизни;

3) имеются ли производные от рассматриваемого слова, не стоит ли оно особняком.

Исходя из этих критериев можно выделить признаки заимствований:

1) фонетический и орфографический облик слова, не свойственный данному языку;

2) неподчинение лексических единиц грамматическим законам данного языка;

3) слабая словообразовательная продуктивность.

Но иноязычные слова, попадая в заимствующий язык, подвергаются процессу ассимиляции. Их фонетические, орфографические и морфологические характеристики начинают подчиняться законам заимствующего языка, возрастает их словообразовательная продуктивность. Слова получают большее распространение и широкое применение. Слова, сильно ассимилировавшиеся в заимствующем языке, иногда трудно отнести к разряду заимствований. В таких случаях обычно обращаются к этимологическому словарю.

Причин заимствования довольно много, но преобладающей является отсутствие в языке слова, обозначающего новое понятие. Л. П. Крысин говорит о наличии определенных политических, экономических и культурных условий, которые определяют предрасположенность к принятию новой и к широкому употреблению ранее существующей, но малоупотребительной иноязычной лексики. Кроме того, он выделяет социально-психологические причины заимствования, а именно:

1) Интенсификация общения носителей языка с людьми, пользующимися другими языками.

2) Иноязычное слово часто рассматривается как более престижное по сравнению с исконным.

3) Заимствование иноязычных слов как фактор моды.

Иноязычное слово часто может причисляться к разряду так называемых модных слов и получать достаточно широкое употребление. При этом определенные события международного характера могут стимулировать употребление какого-либо слова или группы слов.

Часто заимствование происходит при наличии исконного слова. В этом случае иноязычные слова носят характер синонимических дублетов. Иноязычные слова могут обозначать свойственные чужим народам, или странам понятия (этнографизмы, регионализмы, экзотизмы, топонимы).

На первых ступенях заимствования слова чужого языка могут употребляться в текстах заимствующего языка в качестве иноязычных вкраплений, сохраняя свой первоначальный облик, например:

Das rasant erzählte, faszinierende Porträt einer jungen Frau aus Israel, die für eine amour fou alles verliert...

[Zeit, Nr. 8/2000. S. 59]

Если иноязычные вкрапления (обычно как проявление моды) получают более или менее регулярное употребление, то их называют варваризмами.

Некоторые заимствования, подвергшись процессу ассимиляции, прочно укореняются в языке. Некоторые исчезают вместе с понятиями, как было со многими французскими заимствованиями эпохи рыцарства. Часто заимствованные слова сохраняются в языке, существуя наряду со своими синонимами исконного происхождения. Этому есть ряд причин:

1) Иноязычные интернациональные слова, являясь к моменту создания их немецких соответствий словообразовательными центрами и имея значительное количество производных и сложных слов, были органически связаны со словарным составом языка.

2) Целый ряд иноязычных слов многозначен по сравнению со своими немецкими дублетами; последние синонимичны с ними лишь в каком-либо одном значении. Например, галлицизм *Saison* синонимичен со словом *Spielzeit* только в значении «театральный сезон».

3) Синонимические дублеты показывают стилистические различия. Иноязычное слово может выступать в качестве эвфемизма к немецкому [5, с. 181].

4) Наличие семантических различий в словах синонимичной пары, вследствие чего они образуют слова с близким предметным содержанием. Так слово *Artist* употребляется только в отношении артистов цирка и ваяры [5, с. 181].

На протяжении исторического развития языка отношение к заимствованиям может изменяться. Чрезмерное заимствование может привести к засорению языка. Как правило, такие заимствования воспринимаются враждебно, что приводит к появлению пуризма. Но большинство заимствований осваивается языком-реципиентом и включается в его систему. Д. Фаульзеит говорит о наличии так называемых «удобных» иноязычных слов (*bequeme Fremdwörter*) и «ненужных» слов (*unnötige Fremdwörter*). К «удобным» иноязычным словам он от-

носит ассимилировавшиеся в языке и нашедшие широкое употребление заимствования: *interessant* [6, с. 52]. К «ненужным» иноязычным словам Д. Фаульзейт причисляет, главным образом, синонимические дубликаты к немецким словам. Так, например, он оспаривает необходимость слова *der Champion* при наличии слова «*der Meister*» [6, с. 47].

Лингвисты отмечают, что характерной особенностью современного периода, является движение в сторону умеренного и сбалансированного заимствования, которое Э.Ф. Володарская обозначила как процесс моде-

рации. По ее словам, модерация является естественным процессом саморегуляции языка [2, с. 12].

Таким образом, заимствование является процессом и результатом перехода лексических элементов из одного языка в другой, в основе которого лежат языковые контакты. Заимствование — один из важнейших способов пополнения словарного состава языка, а также одно из средств создания синонимов и эвфемизмов. Язык в процессе своего развития саморегулируется, что проявляется в современной тенденции умеренности заимствований.

Литература:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. Энциклопедия, 1966. — 607 с.
2. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов. — Вопросы языкознания, 2002, № 4. — 75 с.
3. Левковская К.А. Лексикология современного немецкого языка: На немецком языке. — М.: Высшая школа, 1968. — 319 с.
4. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. — М.: Просвещение, 1976. — 174 с.
5. Степанова М. Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. — М.: Высшая школа, 1962. — 310 с.
6. Faulseit D. Gutes und schlechtes Deutsch: Einige Kapitel praktischer Sprach pflege. — VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1980. — 154 S.

Обращение в речевых ситуациях (на материале английского и русского языков)

Некоз Алексей Владимирович, студент;

Панин Виталий Витальевич, кандидат филологических наук, доцент

Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

Статья посвящена сопоставительному анализу форм обращений в современном английском и русском языках. Изучение обращений проводится с учетом речевых ситуаций, в которых они употребляются.

Ключевые слова: обращение, речевой этикет, речевая ситуация, сопоставительный анализ.

Обращение является важной составляющей коммуникативного акта в любом языке. Изучение обращений в разных языках актуально не только для сопоставительной лингвистики, но и сопоставительной лингвокультурологии, поскольку формы обращения во многом отражают особенности речевого этикета. Речевой этикет мы вслед за Н.И. Формановской рассматриваем как «национально специфичные и социально закрепленные стереотипы общения» [9, с. 3].

Рассмотрим некоторые дефиниции понятия *обращение*.

В лингвистическом энциклопедическом словаре обращение трактуется как «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [3, с. 340].

Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой содержит следующее определение:

ОБРАЩЕНИЕ англ. *allocution, address*, фр. *allocution*, нем. *Anrede*. Употребление существительных,

местоимений, субстантивированных прилагательных или эквивалентных им словосочетаний для названия лиц или предметов, к которым обращена речь; синтаксически обращения обычно оформляются сверхсегментными (просодическими) средствами [1, с. 266].

М.О. Фаенова выделяет несколько видов обращений в английском языке.

1. Имена собственные. В английском языке употребление имени и фамилии в функции обращения характеризуется ярко выраженной эмоциональностью и передает различные оттенки негативного в целом отношения (раздражение, негодование, неприятное удивление и др.).

2. Оказиональные обращения (*boy, man, girl, woman*). Указанные обращения имеют весьма определенно выраженные эмоциональные коннотации, причем это является нормой современного английского языка.

3. Термины родства. Слова *father, mother* в определенных контекстах могут приобретать негативные коннотации, например, в ситуациях, где ожидается использование более неофициальных и ласковых форм

обращения, таких, как *dad, daddy, mum, mummy* [8, с. 75–76].

Основной функцией обращения выступает вокативная функция — привлечение внимания собеседника. Однако обращение в некоторых контекстах может выполнять экспрессивную и оценочную функции.

Выбор той или иной формы обращения зависит от многих факторов, таких, как пол и возраст, степень знакомства собеседников, их социальное положение. Все эти факторы определяются речевой ситуацией. Обратимся к дефиниции понятия «речевая ситуация» и ее типам.

По мнению Е. В. Синцова, речевая ситуация — это «взаимодействие всех контекстов высказывания, которое помогает понять дополнительные смыслы сообщения и правильно истолковать цель высказывания» [6, с. 63]. Речевая ситуация предполагает наличие устных или письменных высказываний монологического или диалогического характера, а также коммуникантов, порождающих данные высказывания и коммуникантов, их интерпретирующих.

Различаются официальные и неофициальные речевые ситуации. В официальной ситуации (начальник — подчиненный, служащий — клиент, преподаватель — студент и т. д.) общение наиболее четко регламентировано этикетом, нормами речевого поведения.

В неофициальной ситуации (знакомые, друзья, родственники) нормы речевого этикета более свободны. Речевое общение в данных ситуациях определяется скорее этическими нормами.

Рассмотрим некоторые формы обращения, используемые в английском и русском языках в официальных и неофициальных речевых ситуациях.

В официальных речевых ситуациях в англоязычных странах распространены обращения *Mr (mister)* ко взрослому мужчине, *Mrs (missis)* к замужней женщине и *Miss* к девушке или незамужней женщине:

Mr A title used before a surname or full name to address or refer to a man without a higher or honorific or professional title '*Mr Robert Smith*' [11].

Mrs The title used before a surname or full name to address or refer to a married woman without a higher or honorific or professional title. '*Mrs Sally Jones*' [11].

Miss A title prefixed to the name of an unmarried woman or girl, or to that of a married woman retaining her maiden name for professional purposes. '*Miss Hazel Armstrong*' [11].

Данные формы обращения, как правило, используются перед именем и фамилией (или только фамилией) человека. С 50-х годов XX века в английский язык в связи с развитием феминистского движения и борьбой за равноправие женщин вошло обращение *Ms [miz]*, которое ставится перед именем женщины, не указывая на её семейное положение:

Ms A title used before the surname or full name of any woman regardless of her marital status (a neutral alternative to *Mrs.* or *Miss*) '*Ms. Sarah Brown*' [11].

Обращения *sir* и *madam* более ограничены в употреблении.

Sir 1. Used as a polite or respectful way of addressing a man, especially one in a position of authority. '*Excuse me, sir*'

1.1 Used to address a man at the beginning of a formal or business letter. '*Dear Sir*'

1.2 Used as a title before the forename of a knight or baronet [11].

madam 1 Used to address or refer to a woman in a polite or respectful way. '*Can I help you, madam?*'

1.1 Used to address a woman at the start of a formal or business letter. '*Dear Madam, ...*'

1.2 Used before a title to address or refer to a female holder of that position. '*Madam President*' [11].

Анализ приведенных выше дефиниций показывает, что обращение *Sir* употребляется в более официальных ситуациях и относится к мужчине, имеющему высокий социальный статус или дворянский титул (в Великобритании). Обращение *Madam* носит вежливый оттенок, так чаще обращаются к женщинам, старшим по возрасту или положению.

Как отмечает Т. В. Ларина, на современном этапе в английском языке наметилась тенденция использовать неформальные формы обращения. Например, «студенты по отношению к преподавателям свободно используют обращения по имени: '*Hi, Sarah*', '*Hello John*'. Формулы обращения *Sir* и *Madam*, которые ещё недавно использовались для выражения почтительного отношения в ряде ситуаций, практически вышли из употребления и в настоящее время используются главным образом при обращении школьников к учителю, а также в сфере обслуживания» [4, с. 364]. В русской речевой культуре такие «вольности» в общении неприемлемы.

В русском языке в период с 1917 по 1990-е годы наибольшее распространение получили обращения *гражданин* и *товарищ*. Данные слова использовались чаще в официальных речевых ситуациях, например, в качестве приветствия на митингах, собраниях, представителями власти, военными.

товарищ В советское время (обычно перед фамилией, званием, должностью, профессией): обращение к гражданину, а также его упоминание, обязательное обращение или упоминание применительно к члену коммунистической или дружественной партии. Выделить в комиссию трёх товарищей. Пришла т. Петрова. На съезд приехали товарищи из разных стран [7].

гражданин Взрослый человек, а также форма обращения к нему [7].

Слово *товарищ* в славянские языки пришло из тюркского и первоначально имело значение «компаньон в торговле». Затем значение этого слова расширяется: *товарищ* — не только «компаньон», но и «друг». Однако, как обращение данное слово стало широко применяться в годы советской власти. В наше время *товарищ* сохраняет свое употребление в качестве обращения в армии.

Обращение *гражданин*, по мнению Л. А. Введенской, «для многих стало ассоциироваться с задержанием, арестом, милицией, прокуратурой. Негативная ассоциация постепенно так »приросла« к слову, что стала его неотъемлемой частью; так укоренилась в сознании

людей, что стало невозможным использовать слово *гражданин* в качестве «общепотребительного обращения» [2, с. 158].

В настоящее время ведутся попытки ввести обращение, которое могло бы заменить вышедшие из широкого употребления *гражданин* и *товарищ*. Среди таких обращений можно отметить слова *господин/госпожа, сударь/сударыня*.

господин Форма вежливого обращения или упоминания при фамилии или звании. Г. министр | жен. **госпожа**, -и [7].

сударь (устар.) Форма вежливого, учтвого, иногда ирон. обращения, господин | жен. **сударыня**, -и [7].

Обычно после слова господин следует фамилия или должность, часто высокопоставленная, например: *Господин президент, Господин депутат*. Как указывает Н.И. Формановская, «одиночное обращение *Господин!* к незнакомому человеку встречается нечасто, оно обладает оттенком официальности и отчужденности» [10, с. 144].

Однако ни одно из данных обращений не стало таким распространенным, как обращения *Мг* и *Мгс* в англоязычных странах.

В неофициальных речевых ситуациях наблюдается большее сходство форм обращения. При неформальном общении иногда возможны такие обращения, как *boy, young fella (fellow), mate, luv (love), buddy, stranger*. По мнению Т.В. Лариной, подобные обращения можно встретить в следующих коммуникативных ситуациях:

1. Пожилые люди — молодым:

Young man, would you help me with my bags, please (пожилая женщина на вокзале).

2. При обращении к незнакомой женщине иногда используется обращение *love* (неформальная форма написания — *luv*), к мужчине — *mate*.

How can I help you, luv?

Would you ever have the time there, mate?

Номинативные формулы при обращении к лицам некоторых профессий (*waiter, porter, doctor, constable, driver, nurse*) в настоящее время устарели и заменяются на предложения без обращений: *Excuse me, is this seat taken?* [5, с. 80]

В современной русской разговорной речи наблюдается тенденция использовать обращения, указывающие на пол и возраст адресата: *мужчина, женщина, дедушка, бабушка, девушка, молодой человек*. По мнению некоторых лингвистов, использование обращений *мужчина* и *женщина* свидетельствуют о недостаточном уровне культуры говорящего.

Как в русской, так и в английской речевых культурах существуют обращения к близким в кругу семьи: *dad, daddy papa, папочка, титиму мама, мамочка*, обращения *sonny сынок, sis сестрёнка, bro братишка. Darling дорогой, дорогая, sweetheart возлюбленная, возлюбленный, baby крошка, девочка* используются в отношении к возлюбленным, супругам.

В качестве обращения к хорошо знакомым или близким людям чаще всего употребляются имена собственные и уменьшительные формообразования имён. Например, в русском языке в зависимости от степени знакомства и родства используются такие обращения, как *Рита, Риточка; Таня, Танечка; Алёша, Лёша, Лёшенька* и др.

В английском языке, как и в русском, имеются уменьшительные суффиксы, которые придают именам ласковое звучание и имеют фамильярно-разговорную и положительную эмоциональную окраску. Например: *Margaret — Meg, May, Margery, Peg, Rita; Elizabeth — Lisa, Elsie, Libby, Beth, Bet, Betty, Betsy, Bess, Bessie; William — Will, Willie, Willy, Bill, Billy* и другие. Фамильярно-грубых форм, аналогичных русским *Наташка, Ленка, Колька* в английском языке нет, равно как отсутствуют обращения, называющие человека по отчеству: *Петровна, Ивановна, Васильевич*. Слова *тетя* и *дядя* в английском языке функционируют лишь по отношению к родственникам: *Aunt Lucy, Uncle Tom* [9, с. 12].

Таким образом, в английском языке, в отличие от русского, более заметны тенденции использования неформальных обращений в официальных речевых ситуациях. Необходимо также отметить отсутствие на данном момент в русском речевом этикете общепринятого официального обращения. Слова *господин/госпожа, сударь/сударыня* не вошли в речевой обиход, тогда как обращения *товарищ, гражданин/гражданка* употребляются гораздо реже, чем в советский период.

Литература:

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] URL: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova> (дата обращения: 24.12.2017).
2. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г., Кашаева, Е.Ю. Русский язык и культура речи. — Ростов н/Д.: Феникс, 2000. — 544 с.
3. Кручинина, И.Н. Обращение // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. — С. 340–341.
4. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 512 с.
5. Ларина, Т.В., С. Смит. Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской) // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — М.: РУДН, 2003. — № 1. — С. 79–91.
6. Синцов, Е.В. Русский язык и культура речи. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 160 с.
7. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova> (дата обращения: 24.12.2017).

8. Фаенова, М. О. Обучение культуре общения на английском языке. — М.: Высшая школа, 1991. — 144 с.
9. Формановская, Н.И., Шевцова С.В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия: Справочник. — М.: Высшая школа, 1990. — 125 с.
10. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет. — М.: Издательство ИКАР, 2005. — 250 с.
11. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition> (дата обращения: 24.12.2017).

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Трансформация контента газет «Владивосток» (1883–1919 гг.)

Варавва Валентина Васильевна, главный редактор

Газета «Залив Восток» п. Ливадия Находкинского городского округа

Статья посвящена изучению трансформации контента газет «Владивосток» столицы Приморья в период 1883–1919 гг. Возмеченный отрезок времени одноименных газет во Владивостоке выходило три. Период насыщен различного рода событиями, которые влияли на содержательно-тематическое наполнение изданий. Данный аспект в настоящее время не отражен в научных трудах, поэтому представляет интерес. Трансформационные переходы рассмотрены в хронологическом порядке с использованием метода анализа и описания.

Ключевые слова: контент, трансформация, газеты «Владивосток»

Первые газеты Приморья (Приморского края) упоминаются в историографии Сибири и Дальнего Востока в общей канве, как статистический элемент. До установления Советской власти газеты в Приморье выходили только во Владивостоке и Никольск-Уссурийском, сеть городских и сельских приморских газет получила развитие после 1922 года. Феномен историографии журналистики Приморья — четыре одноименные газеты «Владивосток», выходившие в разные годы с 1883 г. по настоящее время и не являющиеся продолжением друг друга. В данной работе рассмотрены три газеты «Владивосток» (1883–1919 гг.). На примере этих изданий представляет интерес проблема изменения контента.

Под контентом (означает «содержание») принято понимать информационное наполнение различных СМИ текстами, фотографиями, рисунками, инфограммами, видеофайлами и пр. Трансформация контента средств массовой информации сопряжена с политическими, экономическими, законодательными, социальными, культурными и прочими проблемами общества.

Контент газет «Владивосток» столицы Приморья отражал ситуационный момент, проблемы города и дальневосточного региона, тематика зависела от программы и позиции издания, взглядов редактора и авторов. Изменение тематического направления публикаций свидетельствовало о динамике развития событийности и жизнедеятельности города, края и страны.

Газета «Владивосток» (1883–1906 гг.). Газета «Владивосток» (1883–1906 гг.) — первая газета г. Владивостока и Приморья. Газета имеет два периода развития, которые связаны со сменой редакторов. С 1883 по 1892 гг. газету выпускал редактор Николай Варла-

мович Соллогуб. С 1893 по 1906 гг. — Николай Владимирович Ремезов.

Газета «Владивосток» (1883–1892 гг.), редактор Н. В. Соллогуб. Николай Варламович не был ни профессиональным журналистом, ни литератором, служил телеграфистом штаба главного командира портов Восточного океана. В 1881 году Н. В. Соллогуб получил разрешение на издание газеты под названием «Владивосток», выхлопотал поддержку и финансирование Морского Министерства на содержание газеты в ежегодной сумме 2000 рублей, т.е. газета имела гибридный статус — частно-государственный (ведомственный). Подводя итоги своей редакторской работы, Н. В. Соллогуб отметил: «Сам я трудился насколько мог, строго придерживался местных условий» [1, 1893, № 9, с. 1, Соллогуб], т.е. не входил в конфликт с властями.

Содержательно-тематическая модель издания была обусловлена ее направлением: «Морская и общественно-литературная». Морской контент издания определяет тематическое и жанровое разнообразие — это приказы по Морскому ведомству, приказы Главного Командира портов Восточного океана, раздел «Морские заметки». Морская тематика встречается и в других разделах: «Хроника», «Внутренние известия», «Письмо в редакцию» и др.

Газета не ограничивалась морской тематикой, поднимала социально-значимые темы дальневосточного региона [5, Егорычев], формировала социальные установки и потребность людей в общественно-полезной деятельности и милосердии [1, 1892, № 2, с. 4, К вопросу о гор. больнице], уделяла внимание газете и вопросам местной журналистики [1, 1886, № 7, с. 8, Внутренние известия] и т.д.

В 1892 году у больного Николая Варламовича Соллогуба газету «Владивосток» выкупил дворянин Николай Владимирович Ремезов, чиновник Временного управления казённых железных дорог. Он издавал газету «Владивосток» с 1893 по 1906 гг., имел опыт журналистского дела и обладал радикальными взглядами.

Газета «Владивосток» (1893–1906 гг.), редактор Н. В. Ремезов. Традиции «Владивостока», как общественно-литературной и морской газеты, были продолжены новым редактором — Николаем Владимировичем Ремезовым. Анализ издания показал, что морская тематика продолжала занимать лидирующее положение среди разделов газеты даже после выхода из-под контроля Морского ведомства с 1 января 1899 г. [1, 1899, № 1, с. 5, PRO DOMO SUA] Главное отличие второго периода газеты от первого — радикализм, критика, жесткость и резкость высказываний. [1, 1904, № 2, с. 1, Хроника / № 2, с. 1, Хроника] Как только газета стала выражать прогрессивные мысли (а в ней принимали участие политические ссыльные), критику в адрес чиновников, ее редактор не раз подвергался штрафам, приостановке выпуска газеты [4, Глушенко, с. 33] и даже был посажен в тюрьму на 3,5 месяца за публикацию «о расстреле в январе 1906 г. на привокзальной площади города мирной демонстрации и разгоне казаками на кладбище похоронной процессии жертв расстрела». [7, Николаева] Газета была закрыта, но через пять лет, в 1911 году, появилась вторая газета «Владивосток», которую взялся выпускать редактор-издатель Адольф Яковлевич Мауэр.

Газета «Владивосток» (1911 г.), редактор-издатель А. Я. Мауэр. Адольф Яковлевич Мауэр, эстонец по происхождению, имел опыт работы в эстонских и русских газетах [2, 1911, № 97, Амурский], выпускал газету всего четыре месяца. В заявленной программе издания значилось: «*Желая обстоятельного и спокойного выяснения вопроса нашей жизни и смерти здесь, мы постараемся подробно разобраться в двух существенных взглядах на нашего соседа КОЛОССА — Китай, взгляде националистическом и человеческом. <...> Конечно, преобладающими будут все-таки вопросы нашей Приамурской жизни*». [2, 1911, № 1, с. 1, Владивосток, 4 апреля] Редактор А. Я. Мауэр поставил перед своей газетой сложную задачу — формирование у читателей образа восточных соседей.

А. М. Шкиркин утверждает, что китайская эмиграция на дальневосточную территорию России носила «волновой характер» и зависела от геополитических интересов России. Он выявил, что численность китайско-поданных до 1910 г. росла, а начиная с 1911 г. наблюдался спад. [8, Шкуркин, с. 9] Именно в 1911 году А. Я. Мауэр отмечает накал проблемы «жёлтой опасности», которая в основном связана с трудовыми ресурсами Дальнего Востока. Введенное ограничение на использование китайского труда привело к значительным экономическим потерям [8, Шкуркин, с. 10], падению рынка труда и криминогенной обстановке. Газета «Владивосток» писала, что выселение китайцев из городов повлекло за собой создание разбойничьих групп, нападение китайских пиратов на суда с целью вымогательства денег,

из-за отсутствия «рабочих рук» под угрозой оказалось строительство Амурской железной дороги, оставшиеся китайские рабочие сильно подняли поденную плату и пр.

Об интересе к проблеме «жёлтого» вопроса говорят заголовки статей, которые условно можно разделить на несколько категорий:

- политического направления: Китайские политические карикатуры; Оригинальный проект (о становлении обученной вооруженной армии Китая); Корейский публицист о положении Кореи; Прибытие Сиамского принца (во Владивосток); Россия и Монголия; Китайские революционеры и правительство; Китай и иностранцы; Новая книга «О пробудившемся соседе» (о Китае); Японский флот;

- экономического: Наем корейцев на Амурскую железную дорогу; Компрадорь (о появлении китайских посредников при закупках); Кому выгодна война с Китаем? (поднимается желтый рабочий вопрос); Регистрация носильщиков; Неожиданный результат; Решение найма китайцев; Постройка Амурской дороги;

- культурно-образовательного: Русская школа в Ханькоу (Китай); Японский праздник; Иностранные языки в Китае; 50-летний юбилей апостола православия в Японии Архиепископа Николая (о праздновании в Японии); Живописная Япония; Взморье около Кобе; Красоты Китая; Японский аэроплан; Японские корреспонденты во Владивостоке; Экскурсия китайских студентов (знакомство с Сибирью, Кавказом и Крымом);

- бытового: Сад у новой корейской слободы; После разрушения корейской слободки; Колодцы в новой корейской слободке; Неожиданное открытие; Интересное исследование;

- исторического: Годовщина Айгунского договора; Японский красный крест;

- криминального: Китайские бродяги; Китайские прокламации.

Как видно, заголовки носят спокойный характер, в них нет сенсационности, вычурности, крикливости, подтверждая намерение редактора-издателя «*обстоятельного и спокойного выяснения вопроса*». Тон статей сдержанный и рассудительный.

Газета «Владивосток», просуществовав в 1911 году очень короткий срок, была закрыта в связи со смертью ее редактора. Через семь лет в столице Приморья вновь вышла газета, третья по счету, с одноименным названием. Новый «Владивосток» (1918–1919 гг.) не был продолжением своих предшественниц.

Газета «Владивосток» (1918–1919 гг.), редактор П. Крещановский. Газета относится к «несоветским газетам». [6, с. 3] В газетном фонде РНБ г. Санкт-Петербурга сохранилось всего несколько номеров (№№ 47–77). Беспартийная ежедневная вечерняя газета «Владивосток» отражала ситуационный момент революционного времени, критиковала «красный и белый большевизм», считая их одинаково вредными для страны [3, 1919, № 66, с. 2, Altus], поднимала вопросы местной жизни, работу городской Думы, присутствия иностранных интервентов в городе и пр. Основные разделы газеты: Передовица, По городу, Рабочая жизнь,

Местная жизнь, Кооперация, Печать, Пресса, У рампы, Телеграммы, Радиограммы, Фельетоны, По Сибири, За рубежом, Происшествия, Суд, Театр и музыка, Разные известия, Официально, Хроника, Обзор печати, На школьные темы, Письмо в редакцию, Реклама.

Не являясь кооперативным изданием, много внимания уделяла проблеме кооперации. В публикациях подняты вопросы организационного порядка, о положении дел кооперативных объединений и союзов, об обществах потребителей, о необходимости культурно-образовательного процесса в сфере кооперации, о кооперативном движении, об иностранном опыте в этой сфере и пр. Проблеме кооперации посвящены как короткие информационные заметки, так и аналитические публикации (авторы Altus, Fesperans, П. Евгеньев и др.).

Завершает плеяду «квартета» газет под названием «Владивосток», современное издание, которое вышло на информационное поле столицы Приморского края в 1989 г. Но в данной работе оно не является объектом изучения.

Анализ трех одноименных газет «Владивосток» столицы Приморья выявил четыре этапа трансформации содержательно-тематической концепции. От морской газеты при редакторе Н. В. Соллогубе (1883–1892) контент сместился в сторону общественно-политического радикализма при Н. В. Ремезове (1893–1906), при А. Я. Мауэре (1911) основной акцент сделан на проблеме «жёлтой опасности», а П. Крещановский беспартийному изданию (1918–1919) придал кооперативный окрас.

Литература:

1. Владивосток / — Владивосток. — 1883–1906
2. Владивосток / — Владивосток. — 1911
3. Владивосток / — Владивосток. — 1918–1919
4. Глущенко Н. А. Большевицкая печать Дальнего Востока в годы первой русской революции / Дальневосточ. кн. изд-во. — Владивосток. — 1970 / с. 33
5. Егорычев Иван. Газета «Владивосток» — 130 лет истории [Интернет ресурс] // [Режим доступа] <http://planetasmi.ru/blogi/comments/21588.html> Дата обращения 12.08.2014
6. Несоветские газеты (1918–1922 гг.). Каталог собрания Российской национальной библиотеки. — СПб. — 2002 г. — 168 с.
7. Николаева Н. История недели: Газета «Владивосток» как оплот свободной журналистики на рубеже веков [Электронный ресурс] // [Режим доступа] <http://vladivostok3000.ru/city/7095-gazeta-vladivostok-kak-oplot-svobodnoj-zhurnalistiki-na-rubezhe-vekov/> Дата обращения 18.12.2014
8. Шкуркин А. М. Китайский труд на российском Дальнем Востоке [Текст] // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке / — 2008. — № 2 (18). — с. / А. М. Шкуркин. — с. 8–28

Спортивная лексика и язык спорта как часть интернет-пространства

Фрончек Матеуш Кшиштофович, аспирант

Люблинский католический университет Иоанна Павла II (Польша)

Характеристика языка спорта и спортивной лексики

В настоящее время сфера спорта является одной из главных областей человеческой деятельности. Спорт постоянно развивается, появляются новые виды спорта, названия реаллий, связанных с ними, возникают новые слова, словосочетания и фразеологизмы, характерные для области спорта. В спортивном дискурсе происходят изменения на языковой почве. Языковые единицы, свойственные другим видам человеческой деятельности, получают в спортивном контексте новые значения. С похожей ситуацией сталкиваемся в обратном направлении — единицы, функционирующие исключительно в сфере спорта, начинают все чаще употребляться вне спортивного дискурса. Именно поэтому встает вопрос о выделении языка спорта как отдельной части языковой системы. До сих пор исследователи

спорят об этом. Многие годы существовало мнение, что язык спорта является только частью политического дискурса. Однако в последнее время, в связи с его объемом и особым характером, язык спорта и спортивная лексика отличаются от подобных видов языкового общения.

Польский лингвист Ян Ожджиньски в своей работе, посвященной речевым высказываниям в области спорта, задает вопрос: «Можно ли (и в каком значении) говорить о «языке спорта»?» [1, с. 5]. Далее он утверждает, что для такого рода рассуждений нужно определить социологический характер явления, каким в современном обществе являются спорт и физическая культура [1, с. 6]. Важную роль в возможном выделении языка спорта из других форм передачи языковой информации играет причисление этого языка «Энциклопедией польской культуры XX века» к числу социолектов, понимаемых как речевые особенности

общелитературного языка, использованного данными социальными группами, представляющими собой коммуникативное общество, которое общается в своих пределах определенной системой языковых репертуаров [2, с. 223]. Эти репертуары являются совокупностью «речевых форм, употребляемых индивидом или группой в социально значимом языковом взаимодействии» [3, с. 186]. Это причисление имеет только косвенный характер, так как авторы «Энциклопедии», цитируя другую работу Я. Ожджиньского [4], подходят к языку спорта только как к одному из возможных проявлений широко понимаемого молодежного социолекта и утверждают: «На основании этих социолектов появляются языковые разновидности молодежных групп, соединенных увлечением — поклонников рок-музыки и метала, болельщиков разных спортивных клубов» [2, с. 225].

В таком понимании язык спорта ограничен лишь только одной социальной сферой языкового общения, какой являются высказывания болельщиков. Поэтому в этом случае можно сделать неправильные выводы, что такой язык болельщиков и фанатов дифференцирован в зависимости от спортивного клуба, в пределах которого функционирует определенная, замкнутая группа болельщиков. Из этого следует, что язык спорта представляет собой замкнутую социальную группу. Однако это мнение не совпадает с действительностью. Языковые единицы, раньше функционирующие только в спортивном дискурсе, переходят в другие части языка, например, словосочетание темная лошадка используется и вне сферы спорта [5, с. 331–332].

О том, что язык спорта не является замкнутой социальной группой, свидетельствуют другие, иностранные определения языка спорта. Например, в немецком языке язык спорта причисляется к группе специальных языков (Fachsprachen), противопоставленных так называемому общему языку (Gemeinsprache). В более подробных характеристиках языка спорта можно прочитать, что язык спорта (Sportsprache) является языком, использованным спортивным обществом (Sportgemeinde) во время спортивной деятельности или в разговорах, сюжетом которых является спорт. Членами этого общества могут стать как люди, занимающиеся спортом, так и тренеры, наставники, учителя, арбитры, спортивные комментаторы и обозреватели, а также зрители спортивных мероприятий. Поэтому язык спорта — это язык социального явления. Становится он открытым, доступным каждому человеку [5, с. 332–333].

А. В. Савченко предлагает следующее определение понятия «язык спорта», отмечая, что это «вариант общенационального языка, функционирующий в рамках спортивного дискурса, имеющий в связи с этим ряд характерных особенностей и отражающий и выражающий реалии сферы спорта в широком смысле» [6, с. 145]. Язык спорта можно отнести к специальным подъязыкам, потому что, по мнению Е. И. Шейгал, для него, так как и для других такого рода субъязыков, не характерно наличие грамматических особенностей [7, с. 11–12].

Сферы использования языка спорта

В. Хлебда подчеркивает, что «язык спорта как язык любой большой и внутренне дифференцированной общности людей представляет собой сложное явление, состоящее не менее чем из четырех субъязыков» [6, с. 145]. К этим группам он относит следующие формы языковой коммуникации:

- «терминологию в собственном смысле (названия людей, объектов, снарядов, действий и процессов);
- жаргон спортсменов, тренеров и обслуживающего персонала;
- язык спортивных комментаторов, обозревателей, журналистов печати, радио и телевидения;
- язык спортивных болельщиков» [6, с. 145–146].

Другие польские языковеды расширяют эту классификацию, так как в спортивном дискурсе существует много сфер, где язык спорта существует как отдельная, особая часть языковой системы. Наиболее широкую классификацию субъязыков в области спорта представляет А. Творек. По его мнению, к сферам коммуникативной активности языка спорта, т.е. к языковому общению, сюжетом которого является спорт, причисляются:

1) Язык спортивных правил, например, правила, составленные в письменной форме, касающиеся проведения соревнований по определенному виду спорта (также в устной форме, например в виде объяснений спортивных судей по отношению к спортсменам), правила спортивных объектов, инструкции по эксплуатации спортивного инвентаря и оборудования, а также внутренние правила спортивных клубов. Этот субъязык по своей форме напоминает язык нормативно-правовых актов (официально-деловой стиль), характеризующийся косвенным общением между автором и получателем информации, а в связи с этим — использованием точной, специальной, хотя понятной получателю лексики и синтаксических конструкций [5, с. 334].

2) Научный язык в спорте — стремится к наиболее максимальной точности высказываний, однако при параллельном использовании мысленных штампов. Для этого языка характерны полные и развитые предложения в изъяснительном наклонении, в которых уместно помещены понятийные компоненты. Примерами этой сферы активности языка спорта служат объяснения терминов и понятий в форме словарной статьи, а также научные доклады и отчеты по данному виду спорта, например, доклад канадского юриста Ричарда Макларена на счет допинга в России [8, с. 149–150].

3) Язык спортивных обозрений, комментариев и публицистики в печатных СМИ — соответствует общим правилам журналистики (уровень экспрессии и стиль текста зависят от вида печати, представителем которой является данное издание). Доминирующей чертой этой сферы коммуникативной активности является стремление к построению понятийно-сообразительных образцов, основанных на принципе реализма обстановки. Эти образы имеют цель стимулировать конкретное (т.е. относящееся к данной синтаксической фразе) и аб-

страктное воображение (т.е. относящееся к образу, построеного целым комментарием) [5, с. 335; 8, с. 150].

4) Язык телевизионных спортивных программ. В зависимости от типа передачи можно выделить: обзорное (возможное только в случае, когда журналист создает свои языковые высказывания спонтанно, параллельно к происходящему событию), обзор завершённого события (выступающий, когда журналист рассказывает про зрелище, показанное в данном моменте в эфире, но оно уже раньше завершилось и обозреватель имеет доступ к важнейшей информации, касающейся хода событий), а также комментарий (журналист рассказывает, излагает и часто оценивает ход событий завершённого раньше зрелища). Телевизионные передачи соединяют в себе образ и звук, которые в равной степени влияют на получателя информации [5, с. 335].

5) Язык спортивных радиопередач — осуществляет те же формы языкового общения, что телевизионные передачи, но воздействует на получателя информации только в форме звука [5, с. 335—336].

6) Язык спортсменов и тренеров, т.е. лиц, непосредственно связанных со спортивной деятельностью (тренировками, соревнованиями), либо активно (спортсмены), либо пассивно (наставники — тренеры, инструкторы, учителя, а также судьи). В связи с динамикой такой деятельности, ситуативность языкового общения и компетенции по существу ее участников вызывают коммуникативную однозначность, достигаемую вследствие большого профессионализма и максимального упрощения структур высказываний.

7) Язык болельщиков, т.е. лиц, косвенно принимающих участие, наблюдающих за спортивным зрелищем. Он охватывает два вида коммуникативных актов: когда получателем информации являются непосредственные участники спортивного зрелища либо когда получателем такой информации являются другие болельщики. В первом случае мы сталкиваемся с контролируруемыми (обычно коллективными) или бесконтрольными (с особенно большим уровнем экспрессивности, часто индивидуальными) высказываниями в виде песен, стихов, восклицаний, цель которых — поддерживать или обескураживать непосредственных участников спортивного зрелища.

8) Язык ведущего спортивное зрелище — в своей классической форме ограничивается лишь краткими сообщениями, информирующими о ходе событий во время спортивного зрелища и он направлен к получателю информации косвенно или непосредственно. В последнее время ведущие соревнования с участием большого количества зрителей часто становятся побудителями к определенному поведению болельщиков (это касается также речевого поведения).

9) Язык интервью, разговоров — является соединением языка спортивного журналиста (печати, радио, телевидения) или, реже, болельщика, и спортсмена либо тренера. Эта сфера коммуникативной активности обусловлена непосредственно обстановкой, она характеризуется передачей речевой информации при помощи диалога [5, с. 336].

Спортивные тексты в интернет-пространстве

Поскольку объектом нашего исследования являются тексты, помещенные в интернете, мы сосредоточимся только на интернет-статьях. Тексты, встречающиеся в Интернете, характеризуются разнообразием. Они могут быть причислены к разным сферам языковой активности языка спорта. Итак, спортивные статьи, находящиеся в интернет-пространстве, относятся к следующим типам высказываний:

— языку спортивных правил, например, указания для проведения соревнований по фигурному катанию: «Окончательное GOE элемента основано на комбинации положительных и отрицательных аспектов его исполнения. Важно, чтобы окончательное GOE элемента отражало как положительные аспекты, так и возможные снижения, если такие необходимы. Окончательное GOE элемента находится, рассматривая, прежде всего, положительные аспекты исполнения, которые приводят к нахождению стартового GOE для оценки. Затем судья снижает это стартовое GOE, согласно Указаниям по снижению, в случае возможных ошибок, и результат является окончательным GOE данного элемента. Для определения стартового GOE судьи должны принимать во внимание приведенные ниже пункты по этому элементу. Каждый судья имеет право самостоятельно определять количество пунктов, необходимых для любого увеличения GOE, но общие рекомендации таковы: для + 1—2 пункта; для + 2—4 пункта; для + 3—6 или большее число пунктов» [9].

— научному языку в спорте, например объяснение термина *тулуп*: «Тулуп (Toe Loop) обозначается как (Т)-зубцовый прыжок (т.е. перед прыжком фигурист отталкивается от льда зубцом свободной ноги). Варианты захода: либо тройка вперед внутрь на правой ноге (скольжение вперед, поворот, удар зубцом, прыжок), либо тройка вперед внутрь на левой ноге (скольжение вперед, поворот, смена ноги, удар зубцом, прыжок). Возможен также заход с вальсовой тройки (тройка вперёд-наружу, переступание на правую ногу)» [9].

— языку спортивных обзоров, комментариев и публицистики в печатных СМИ, например, фрагмент фельетона журналиста «Спорт-Экспресс» Дмитрия Симонова под заглавием «Как Россия выиграла Игры-2016»: «(...) Для журналиста каждая Олимпиада — словно маленькая жизнь. Там рождается своя история, своя география, своя мифология. Коллега, с кем ты делишь кров, превращается в родного брата, в семью. А голос другого — натурального безумца, перешедшего на бразильское время прямо в Москве, — голос, постоянно звучащий то из телефона, то из фейсбучного чата почти как из тернового куста, — становится едва ли не единственным вестником с родины и в конечном счете превращается в твой собственный внутренний голос, в твою путеводную звезду. На Олимпиаде ты живешь по особому графику, по-другому спишь, по-другому ешь, ты постоянно спешишь, выдумываешь, ликуешь, страдаешь, любишь, злишься из-за вещей, которые в любой другой миг показались бы ерундой, но именно тогда становятся важнее всего на свете. И вот поэтому мне

каждый раз становится грустно в самый последний день, потому что эта маленькая жизнь обретает свой конец, ты просыпаешься, и больше никогда туда не вернешься. И я каждый раз ловлю себя на мысли: если после этого мира действительно что-то есть, пусть для меня это будет Олимпиада. Рай и ад, которые слились в одно. (...) Олимпиада-2016 была и, думаю, так и останется единственной, где четвертое место не стало «деревянной медалью». Мы выступали вне зачета, потому что нас поставили в неравные условия, и в этой борьбе безоговорочно победили. В отличие от футбольной сборной на Еуро-2016 в Рио выступала команда, которую хотелось любить и которая умела выигрывать. Выбирая самую яркую победу из множества, большинство болельщиков (в том числе мой недавний собеседник Олег Иванович Романцев, как ни странно, тоже ставящий сейчас Олимпиаду выше футбола) называют гандбол. Конечно, это было невероятно, неповторимо, умопомрачительно! И все же, как по мне, самая главная и ценная победа одержана еще до старта Игр. Ее творцы — Олимпийский комитет России во главе с Александром Жуковым и все те, кто боролся за Олимпиаду и в итоге сохранил ее для спортсменов и для всех нас. Случись иначе — мы бы ничего не увидели (...) [10].

— языку интервью, разговоров, например фрагмент интервью с тренером российского футбольного клуба «Кубань» Виктором Гончаренко: « — Удивило вас то, что «Суонси» доминировал мячом в первом тайме? — Нет. «Суонси» доминирует по владению мячом и в премьер-лиге. Мы не могли подстроиться под быстрый футбол соперника. Во втором тайме больше стали владеть мячом и выровняли игру. (...) Не могу кинуть камень в огород футболистов. Дорогого стоит, что смогли сравнять счет в матче с такой командой» [11].

— языку болельщиков и фанатов, свойственному различным интернет-форумам и блогам, например: «Айртон: На классе, как и подобает лидеру чемпионата. Wild Weasel: Спасибо ребята! С утра выпил — день свободен... А выиграл в субботу с утра — весь тур спокойно смотришь остальные матчи! И болеем за «Терек» и «Амкара». Aloveku: А в футбольном мире до сих пор еще сомневаются по поводу чемпионата мира в Катаре. Жар костей не ломит. Zvovs: Было бы больше забито, но нападающие не привыкли к зиме... Меркатор: С виду, вроде, футбол, как футбол. Но по ТВ картинке не определишь скольжение поля, жесткость мяча и влияние мороза. Всех с победой! Ки: Страшно подумать — ведь если б не случился позор с АЕКом, у нас могло и не быть такого тренера. ТРЕНЕРИЩЕ! kim-1965: Удивительно: тренеры — бывшие спартаковцы ставили тупой футбол «бей-беги-бодайся». Пришел итальянец, и команда заиграла в гораздо более «спартаковский» футбол — в одно касание, комбинации, уже забытые кружева. Душапомашина: У «Спартака» начало проявляться то, чего я не видел еще со времен тренера Черчесова, а уж при Аленичеве этого не было как такового — солидность, игра на классе. Молодцы! Невольно ловлю себя на мысли, что начинаю этому «Спартаку» симпатизировать. Уже никто не раздражает... кроме Федуна. Да и тот с Каррерой явно угадывает. Будем посмотреть дальше! Aloveku: Главное, что победы забирает. Болела_23: Честно говоря, я был за Аленья и расстроился, когда его убрали. Но теперь я уже с ужасом вспоминаю Аленья, игры 1:0, которые часто заканчивались упущенными победами в последние 5 минут. И когда у аутсайдеров не могли выиграть даже дома. А теперь начинаю верить в Карреру! Redshark: Спасибо Тренер, за Команду!» [12].

Литература:

1. Oźdźyński J. Mówione warianty wypowiedzi w środowisku sportowym. — Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. — 107 с.
2. Bartmiński J. (red.). Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, tom 2.: Współczesny język polski. — Wrocław: Wiedza o kulturze, 1993. — 659 с.
3. Михальченко В.Ю. (ред.). Словарь социолингвистических терминов. — М.: Российская академия наук, 2006. — 312 с.
4. Oźdźyński J. Polskie współczesne słownictwo sportowe. — Wrocław: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1970. — 178 с.
5. Tworek A. Język sportu — próba definicji (analiza języka polskiego i niemieckiego) // Język trzeciego tysiąclecia, «Język a komunikacja» 1. — Kraków: Tertium, 2002. — С. 331–340.
6. Савченко А. В. К вопросу о «языке спорта» как особом типе подъязыка в современной коммуникации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). Т. 2.. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015. — С. 145–150.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. — Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2000. — 31 с.
8. Polok K. Funkcje języka W w języku sportu — próba analizy // Język trzeciego tysiąclecia, «Język a komunikacja» 17. — Kraków: Tertium, 2007. — С. 143–153.
9. Аббревиатуры и термины в фигурном катании // sports.ru. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/fsledlife/471378.html> (дата обращения: 30.09.2017).
10. Как Россия выиграла Игры-2016 // СПОРТ-ЭКСПРЕСС — спортивный интернет-сайт № 1 в России. URL: <http://www.sport-express.ru/olympics/rio2016/reviews/kak-rossiya-vyigrala-igry-2016-1042146/8082737884/> (дата обращения: 30.09.2017).

11. Виктор Гончаренко: «Кубань» проявила характер // СПОРТ-ЭКСПРЕСС — спортивный интернет-сайт № 1 в России. URL: <https://www.sport-express.ru/football/europa-league/news/625560/8082737884/> (дата обращения: 30.09.2017).
12. «Карьера — тренище» // СПОРТ-ЭКСПРЕСС — спортивный интернет-сайт № 1 в России. URL: <http://www.sport-express.ru/football/reviews/karrera-trenerische-1062808/> (дата обращения: 30.09.2017).

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

К вопросу о переводе элементов металлического корпуса надводных кораблей и судов, судовых устройств с русского языка на английский

Паршина Татьяна Вячеславовна, документовед

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

ГОСТы, определяющие термины конкретной предметной области, углубляют знания переводчика в предметной области и повышают качество перевода.

Ключевые слова: перевод элементов металлического корпуса надводных кораблей и судов, ГОСТы, кораблестроение, технический перевод, однозначное соответствие, термины

Перевод элементов металлического корпуса надводных кораблей и судов, судовых устройств, встречающихся в научно-технической литературе и документации, требует особого подхода переводчика к работе с соответствующими терминами. Это связано прежде всего с тем, что предметная область — кораблестроение подразделяется на довольно большое количество других более узких предметных областей, например, элементы металлического корпуса надводных судов; механизмы палубные и судовые устройства; средства спасательные; контейнеры и палубные краны; полупогружные плавающие буровые установки.

Приступая к переводу терминов, обозначающих элементы корпуса надводных судов, судовых устройств, переводчику необходимо уяснить в какую предметную область он «погружается». Помощь в этом могут оказать специалисты (инженеры, конструкторы). Консультации со специалистами существенно подготавливают переводчика к работе. Конечно, переводчик самостоятельно изучает техническую и учебную литературу по необ-

ходимой тематике. Безусловно, переводчик прибегает к использованию словарей для поиска значений того или иного термина.

Возникает вопрос. Насколько вышеперечисленных мер достаточно для осуществления перевода, например, терминов, обозначающих элементы металлического корпуса надводных кораблей и судов? Опыт автора показал, что этих мер недостаточно. Потому что словари, к сожалению, в своем содержании недостаточно полно охватывают многочисленные направления предметной области — кораблестроение. Конечно, можно довольствоваться тем качественным и количественным составом терминов, содержащихся в словаре. Но этот путь формально ведет к неточностям в толковании термина. Что же делать?

Автор предлагает глубже «погружаться» в узкие направления предметной области — использовать в своей работе ГОСТы [5]. Почему? Ответ очевиден. На сегодняшний день действуют ГОСТы, которые определяют применяемые в науке, технике и производстве термины

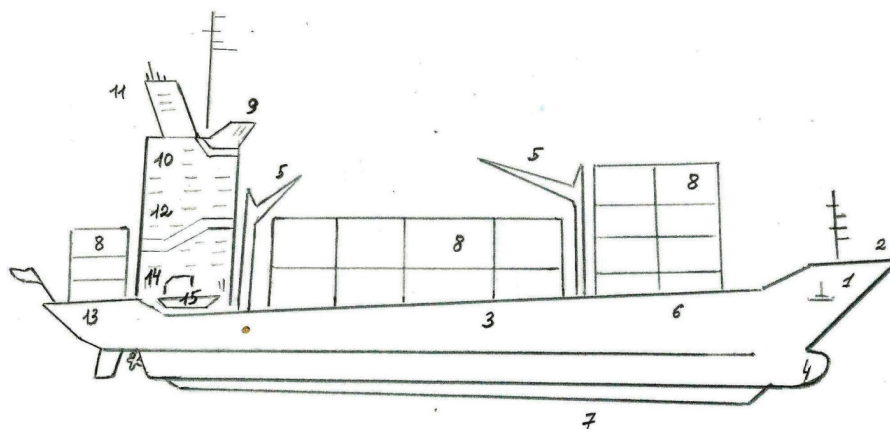

Рис. 1. Формальный рисунок судна

и определения понятий, в частности, конструктивных элементов металлического корпуса надводных кораблей и судов. Термины, установленные ГОСТами, обязательны для применения в документации всех видов научно-технической, учебной и справочной литературы. Для каждого понятия установлен один стандартизированный термин (приведен эквивалент на английском языке). Применение терминов-синонимов ГОСТами запрещается.

Автор иллюстрирует применение ГОСТов в работе переводчика примером (См. рис. 1), в котором использует формальный рисунок судна (элементы металлического корпуса надводных кораблей и судов конструктивные; механизмы палубные и судовые устройства; контейнеры и грузовые; шлюпки спасательные гребные открытые) и технические документы, устанавливающие термины и определения.

Государственный стандарт Союза Советских Социалистических Республик. ГОСТ 13641–80.

Элементы металлического корпуса надводных кораблей и судов конструктивные. Термины и определения. Введен в действие постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 29.08.1980 № 4508 с 01.07.1981 [1]

№ на рисунке	Термин на русском и английском языках	Определение
2	Бак судна/Forecastle	Надстройка судна в носовой его части, начинающаяся от форштевня.
3	Корпус судна/Hull	Коробчатая металлическая конструкция, состоящая из набора, обшивки, переборок, настилов палуб и платформ судна, обеспечивающая создание силы плавучести, прочность и возможность размещения людей, грузов, оборудования и вооружения, обусловленных назначением судна.
4	Бульб судна/Bulb	Каплевидные обтекаемые образования подводной части наружной обшивки корпуса судна в носовой оконечности симметрично диаметральной плоскости с целью улучшения ходовых качеств судна.
6	Палуба судна/Deck	Совокупность нескольких палубных перекрытий или одно перекрытие на малых судах.
7	Киль/Keel	Продольная балка или балки, или пояс наружной обшивки судна, расположенные в диаметральной плоскости, либо простирающиеся симметрично этой плоскости в районе днища судна и служащие для обеспечения прочности корпуса судна.
9	Рубка судна/Deckhouse	Конструкция из продольных и поперечных переборок и перекрытий, расположенная на верхней палубе или палубе надстройки и не достигающая до бортов судна более чем на 0,04 ширины судна и имеющая двери, окна или отверстия в наружных переборках.
10	Мостик судна/Bridge	Палуба надстройки судна, на которой расположены приборы управления судном, а также штурманская и рулевая рубки.
11	Кожух дымовой трубы судна/ Funnel casing	Конструкция из листов с подкрепляющим набором, устанавливаемая на открытом участке палубы надстройки или рубки для ограждения выступающих над уровнем палубы судна частей дымохода, газовыхлопов, глушителей.
12	Надстройка судна/ Superstructure	Конструкция, образованная продолжением бортовых перекрытий основного корпуса судна, палубой и поперечными переборками, находящимися выше верхней палубы.
13	Ют судна/Poop	Надстройка судна в кормовой его части, достигающая до крайней точки кормовой оконечности.

Государственный стандарт Союза Советских Социалистических Республик. ГОСТ 26069–86.

Механизмы палубные и судовые устройства. Термины и определения.

Государственный комитет СССР по стандартам. Введен в действие 01.01.1988 [2]

№ на рисунке	Термин на русском и английском языках	Определение
1	Якорь/Anchor	Приспособление для удержания судна на месте.
5	Грузовой поворотный кран с переменным вылетом стрелы/ Cargo slewing jib crane	Грузовой кран с изменяющимся вылетом стрелы и возможностью поворота вокруг вертикальной оси, предназначенный для работы на открытой палубе.
14	Шлюпбалка/Boat davit	Устройство, предназначенное для спуска и подъема шлюпки.

Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 52202–2004 (ИСО 830–99) Контейнеры грузовые. Утвержден и введен в действие постановлением Госстандарта России от 19.01.2004 № 18-ст. [3].

№ на рисунке	Термин на русском и английском языках	Определение
8	Контейнер/Container	Единица транспортного оборудования, имеющая: — постоянную техническую характеристику, обеспечивающую прочность для многократного применения (в течение установленного срока службы); — специальную конструкцию, обеспечивающую перевозку грузов одним или несколькими видами транспорта в прямом и смешанном сообщениях без промежуточной перегрузки грузов; — приспособления, обеспечивающие механизированную перегрузку с одного вида транспорта на другой; — конструкцию, позволяющую легко загружать и выгружать груз; — внутренний объем, равный 1 м и более.

Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 4143–2005 Судостроение. Суда внутреннего плавания. Шлюпки спасательные гребные открытые. Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии России от 28.12.2005 № 400-ст [4].

№ на рисунке	Термин на русском и английском языках	Определение
15	Стандартная спасательная гребная открытая шлюпка /Standard open roving lifeboat	Шлюпка, предназначенная для спасения пассажиров и экипажа судна, запас плавучести, остойчивость, прочность, а также оборудование и снабжение которой удовлетворяют требованиям настоящего стандарта.

Комментируя приведенный пример, автор обращает внимание на следующие положительные моменты:

1. Использование ГОСТов при осуществлении перевода позволяет переводчику более точно перевести тот или иной термин конкретной предметной области. Это обусловлено тем, что учебные пособия, справочники, словари выражают точку зрения разработчика, составителя, автора. По сути это авторский взгляд. ГОСТы, в свою очередь, являются техническими документами, признанными для применения, в частности в Российской Федерации и за ее пределами. Термины и определения понятий конкретной предметной области обязательны для применения в научно-технической литературе и документации.

Вывод: ГОСТы, определяющие термины конкретной предметной области, предоставляют переводчику наиболее близкие эквиваленты этих терминов, в частности на английском языке.

2. ГОСТы приводят в своем содержании определение понятий. С позиции познания предметной области, переводчик получает в руки кладезь информации, который позволяет ему более полно понимать научную и техническую информацию и, конечно, достоверно узнать значение термина.

3. Использование ГОСТов в своей работе позволяет переводчику доказательно пояснить то или иное свое переводческое решение. Одно дело сослаться на мнение,

например, другого переводчика или автора справочника, другое дело — опираться на ГОСТ. Безусловно, ссылка на правильно использованный ГОСТ будет более убедительной.

Однако, есть важный момент, на который стоит обратить свое внимание. ГОСТы, принятые в СССР и действующие в Российской Федерации, были разработаны в нашей стране и регламентируют термины и понятия конкретной предметной области. Это всецело отечественные документы, определяющие официальную точку зрения нашей страны. Некоторые национальные стандарты Российской Федерации, в частности Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 4143–2005. Судостроение. Суда внутреннего плавания. Шлюпки спасательные гребные открытые [4], подготовлены на основе аутентичного перевода международного стандарта. Такие сведения о стандарте не препятствуют переводчику использовать его в своей работе, но дают пищу к размышлению.

В заключении хочется отметить, что обращение переводчика к ГОСТам, регламентирующим термины и определения, в частности элементов металлического корпуса надводных кораблей и судов, при переводе научно-технической литературы и документации, в частности о корпусе судна, позволяют переводчику углубить его знания в предметной области и повысить качество перевода.

Литература:

1. Государственный стандарт Союза Советских Социалистических Республик. ГОСТ 13641–80. Элементы металлического корпуса надводных кораблей и судов конструктивные. Термины и определения. Введен в действие постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 29.08.1980 № 4508 с 01.07.1981.

2. Государственный стандарт Союза Советских Социалистических Республик. ГОСТ 26069–86. Механизмы палубные и судовые устройства. Термины и определения. Утвержден и введен в действие Постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 28.11.86 № 3641 с 01.01.1988.
3. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 52202–2004 (ИСО 830–99) Контейнеры грузовые. Утвержден и введен в действие постановлением Госстандарта России от 19.01.2004 № 18-ст.
4. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 4143–2005. Судостроение. Суда внутреннего плавания. Шлюпки спасательные гребные открытые. Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28.12.2005 № 400-ст.
5. Паршина Т.В. Вопросы формирования специальной составляющей переводческой компетенции студентов-переводчиков в высшем учебном заведении посредством учебной дисциплины «Технический перевод»: научно-исследовательская работа / Т.В. Паршина. — Казань: Изд-во «Бук», 2017. — 142 с.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 1 (7) / 2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметова М.Н.	Международный редакционный совет:
Члены редакционной коллегии: Айрян З.Г. Ахметова М.Н. Досманбетова З.Р. Иванова Ю.В. Игнатова М.А. Ткаченко И.Г.	Айрян З.Г. (Армения) Арошидзе П.Л. (Грузия) Атаев З.В. (Россия) Ахмеденов К.М. (Казахстан) Бидова Б.Б. (Россия) Борисов В.В. (Украина) Велковска Г.Ц. (Болгария) Гайич Т. (Сербия) Данатаров А. (Туркменистан) Данилов А.М. (Россия) Демидов А.А. (Россия) Досманбетова З.Р. (Казахстан) Ешиев А.М. (Кыргызстан) Жолдошев С.Т. (Кыргызстан) Игисинов Н.С. (Казахстан) Кадыров К.Б. (Узбекистан) Кайгородов И.Б. (Бразилия) Каленский А.В. (Россия) Козырева О.А. (Россия) Колпак Е.П. (Россия) Кошербаева А.Н. (Казахстан) Курпаяниди К.И. (Узбекистан) Куташов В.А. (Россия) Кыят Эмине Лейла (Турция) Лю Цзюань (Китай) Малес Л.В. (Украина) Нагервадзе М.А. (Грузия) Прокопьев Н.Я. (Россия) Прокофьева М.А. (Казахстан) Рахматуллин Р.Ю. (Россия) Ребезов М.Б. (Россия) Сорока Ю.Г. (Украина) Узаков Г.Н. (Узбекистан) Федорова М.С. (Россия) Хоналиев Н.Х. (Таджикистан) Хоссейни А. (Иран) Шарипов А.К. (Казахстан) Шуклина З.Н. (Россия)
Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г.А.	
Ответственный редактор: Осянина Е.И.	
Художник: Шишков Е.А. Верстка: Голубцов М.В.	

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2412-4028

Тираж 500 экз.

Подписано в печать 5.02.2018. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25